

Лицензия на убийство. Том 2

Автор:

[Алексис Опсокополос](#)

Лицензия на убийство. Том 2

Алексис Опсокополос

Лицензия на убийство #2

Алексей Ковалёв – отставной космический спецназовец и бывший командир штурмового отряда. Жизнь сложилась так, что теперь он работает... стендап-комиком. А его партнёр по сцене – друг и телохранитель Жаб, которому, в силу принадлежности к расе анфибов, вообще незнаком юмор.

Однажды герою предлагают приличный гонорар за выступление на планете, где у него были некогда серьёзные неприятности. Шестое чувство подсказывает Алексею, что лететь туда не надо, но обещанные большие деньги, способные решить его финансовые проблемы, побуждают принять предложение. И напрасно: предчувствиям стоит доверять... Чем закончатся приключения героев, вы узнаете из книги.

Алексис Опсокополос

Лицензия на убийство. Том 2

Глава 1. Хэнлорыж и ылыки

На пятый день пребывания в Трудовом Легионе Ковалёв осознал простую, но ужасную истину: шансов выбраться оттуда почти нет! До этого в его голове

никак не укладывалось: зачем привлекать людей и ещё платить им зарплату, если можно использовать роботов? Но менее чем за неделю Лёха понял суть этой организации.

Проработав на руднике всего пять дней и изучив ситуацию изнутри, Ковалёв пришёл к выводу, что только в теории выгодней использовать роботов, а на практике всё выходило наоборот. Когда от невыносимых условий труда часть легионеров погибала, а часть срывалась, получала огромные штрафы и работала потом бесплатно, выходило, что живые работники были в несколько раз выгодней, чем техника, которую в случае поломки никаким штрафом и карцером в строй не вернёшь.

Утром шестого дня за завтраком комедианты снова подняли болезную тему.

– Думаю, ждать Носка смысла больше нет, – неожиданно произнёс Жаб, прервав приём пищи. – Он явно не прилетит.

– Я это тебе на второй день сказал, – мрачно буркнул Лёха, с отвращением глядя в свою тарелку.

Он никак не мог заставить себя приступить к поеданию неаппетитного месива из какой-то неприлично разваренной крупы, называемого поварами Трудового Легиона кашей.

– Может, случилось что-то? – предположил амфибос.

– Ничего не случилось, – огрызнулся Ковалёв. – Просто крысёныш он. Как мы могли ему настолько доверять?

– А мне кажется, всё-таки случилось. Не мог он нас так подставить.

– Мог – не мог, подставил же! А мы идиоты! – Лёха в сердцах отбросил ложку и отодвинул тарелку с кашей. – Жаб, как мы могли на это пойти? За год на такой работе мы сдохнем, я на драге – уж точно. А свалить отсюда невозможно! С роботами договориться нельзя, людей здесь нет! Это ловушка, Жаб! Здесь даже кормят хуже, чем в тюрьме!

– Здесь не соглашусь – по калорийности и питательным веществам все нормы выполняются.

– Да при чём тут калорийность? Я просто не могу жрать это хручево!

– Это другой разговор, – ответил амфибос, спокойно доедая кашу. – Но меня больше волнует Носок. Точнее, то, что он не приехал. Значит, надо искать выход самим.

– Серьёзно? – Ковалёв всплеснул руками. – Какая неожиданная мысль. А я и не догадался до такого. И какие есть идеи?

– Пока не думал, – спокойно ответил Жаб, не понимая сарказма друга. – Но надо искать. Просто до сегодняшнего дня мы надеялись на Носка, а теперь придётся самим. Но выход всегда есть.

– Не спорю, есть, – согласился чернорабочий драги. – Можно через тюрьму, можно через получение инвалидности. Но мне оба эти варианта не нравятся!

– Значит, будем искать третий!

– Мне нравится, дружище, твой оптимизм. Только вот свалить отсюда проблематично! Здесь даже транспортник угнать нельзя – они летают без водителей и тупо запрограммированы на маршрут. Если кто-то и прилетает сюда на чём-либо, что можно угнать, то в то время, когда мы на работе, а пешком отсюда далеко не уйдёшь. Поэтому не думаю, что нам удастся быстро найти этот самый выход!

Ковалёв встал из-за стола и пошёл к выходу, Жаб последовал его примеру. Комедианты вышли из столовой и направились к стоянке, на которой вовсю шла погрузка легионеров в транспортёры для отправки на рудники. Массивные средства передвижения понемногу заполнялись подходившими работягами; до отправления оставалось не более пяти минут, поэтому все заметно торопились.

Дошагав до транспортёра и намереваясь войти внутрь, Лёха краем глаза увидел расположенный в самом конце стоянки небольшой двухместный транспортный шаттл. Бывший штурмовик уклонился от входа и отошёл в сторону, утащив за

собой идущего рядом товарища.

Не успел Жаб задать какие-либо вопросы, как Ковалёв указал на привлёкший его внимание шаттл. Бывший разведчик понял друга без слов – это был реальный шанс, и другой, скорее всего, появился бы нескоро.

Менее чем за минуту комедианты пересекли стоянку и подошли к шаттлу. На месте пилота дремал совсем молодой парнишка, ожидая пассажира. Скрутили его, даже не дав проснуться. После тщательных расспросов Лёха с Жабом выяснили, что парень привёз инспектора из главного управления рудников, и тот в этот момент знакомил всех работающих на руднике андроидов с новыми директивами.

После небольшого совещания на тему, угонять ли шаттл сам по себе или с пилотом, было решено взять парня с собой. Тот сначала пытался возражать, но Ковалёв смог его уговорить. У измотанного трёхдневным каторжным трудом чернорабочего драги, имеющего богатый боевой опыт и находящегося на грани нервного срыва, нашлись подходящие слова, чтобы убедить пилота не спорить, а выполнять все требования.

Уже через минуту шаттл оторвался от стоянки и полетел в сторону главного порта Лакфана.

Приземлившись возле порта на крупной стоянке для частных лёгких кораблей, комедианты связали пилота, чтобы он не объявил тревогу. После чего попробовали пробраться к сектору грузовых перевозок. Им это удалось без особого труда, так как в порту было много легионеров как среди прилетавших-улетающих, так и среди работников порта. Легионерская униформа позволила комедиантам быстро смешаться с толпой, а после пробраться к интересующему их сектору.

Во время полёта Лёха подробно выпытывал у пилота обо всех способах пробраться на Тропос, и теперь был более чем уверен: если их с Жабом и начнут искать, то явно среди улетающих в метрополию, а вовсе не возле транспортников, отправляющихся на Олос с грузом хэнлорыжа.

Контейнеры с этим фруктом легионеры нашли по запаху, а точнее, по невероятной вони, которая исходила от них. Органы обоняния у кхэлийцев

работали иначе, чем у остальных жителей Обитаемого Пространства, поэтому маленький синий фрукт, вызывавший омерзение и рвотный рефлекс у каждого гуманоида, рептилоида и инсектоида, у кхэлийских кальмаров вызывал чувство невероятной эйфории и являлся главным деликатесом.

Убедившись по маркировкам на контейнерах, что они отправляются именно на Олос, а не, к примеру, на Кхэлиэ, комедианты зажали носы и влезли внутрь. Они, безусловно, могли попытаться спрятаться в контейнерах с другим содержимым, но, во-первых, ящики с хэнлорыжем из-за их вони не открывали ни таможня, ни охрана, а во-вторых, другого груза на Олос беглецам на глаза не попало.

Первое, что сделал Лёха, устроившись в ящике, это позавидовал людям, страдающим обонятельной агнозией. Эти счастливики не могут различать запахи, и в тот момент Лёха многое бы отдал за такой дар. Вонь была настолько сильной, что перехватывало дыхание и кружилась голова.

Жабу было немного легче: он хоть и испытывал те же ощущения, но, по крайней мере, избежал головокружения, так как на него не действовали эфирные масла, запредельная концентрация которых потихонечку травила и сводила с ума его друга.

«Как же можно жрать такую гадость, – думал Лёха, пытаюсь устроиться в ящике поудобнее. – Больше полчаса я здесь не протяну».

Но бравый штурмовик и в этот раз ошибся. Залезая в злополучные ящики, комедианты не могли и предположить, что проведут в них почти двенадцать часов. Примерно через час после того, как они разместились среди спелых плодов хэнлорыжа, передавив большую их часть, отчего вонь стала окончательно невыносимой, ящики перевезли на какой-то склад, где они и дожидались погрузки на корабль.

И что самое ужасное – всё это время комедианты слышали, как вокруг контейнеров с хэнлорыжем кто-то ходил, разговаривал, время от времени ставил какие-то штампы на сами ящики. Вариантов вылезти не было: контейнеры стояли в очень оживлённом месте.

Когда наконец-то их погрузили на корабль, Ковалёв стал жадно прислушиваться, в надежде как можно быстрее услышать шум двигателей,

чтобы в безопасности покинуть ненавистный ящик. Во время перелёта в грузовом отсеке явно не должно было находиться ни одной живой души, кроме двух отчаянных ребят, что путешествуют в коробках с хэнлорыжем.

«Ещё чуть-чуть, ещё рано, ещё не взлетели, надо ждать, – мысленно отговаривал себя Ковалёв от того, чтобы выскочить раньше времени из контейнера. – Вот же зараза, глаза режет похлеще лука».

Комедиант сомкнул веки, чтобы хоть как-то защитить глаза от едких испарений эфирных масел хэнлорыжа.

– Лёха! Ты живой, вообще? Очнись! – услышался голос Жаба.

Ковалёв открыл глаза. Над ним склонился друг, крышка ящика была сорвана, вокруг валялись раздавленные плоды кхэлийского деликатеса.

– Ну, ты меня напугал. Я уже полчаса не могу тебя в чувство привести. Думал, ты совсем отравился, – сказал Жаб, который выглядел всерьёз перепуганным и говорил намного быстрее, чем он обычно это делает.

– Какие полчаса? – удивился Лёха. – Я только глаза закрыл. Тут же открываю – вижу твою морду. Что случилось?

Ковалёв попытался вылезти из ящика, но его повело в сторону, и он упал.

– Говорю же, отравился, – с сочувствием произнёс амфибос и помог другу выбраться.

Лёха попробовал очистить одежду от налипшей мякоти хэнлорыжа, но у него мало что получилось.

– М-да, видимо, здесь поможет только смена гардероба, – сказал комедиант, в отчаянии махнул рукой и обратился к товарищу: – Ты сам как?

– Нормально, уже осмотрелся. Есть хорошая новость, пойдём!

Жаб пригласил друга подойти к двум стоявшим в противоположном углу грузового отсека контейнерам. Ковалёв подошёл к ним и прочитал надписи на боковых стенках.

– Скажи, дружище, когда нам в последний раз так везло? – спросил Лёха, улыбаясь во все зубы и не имея ни желания, ни сил скрывать свою радость.

– Нам, вообще, давно не везло, – грустно констатировал печальный факт амфибос.

– Может, кончилась чёрная полоса? Ты не в курсе, сколько отсюда до Олоса лететь?

– Здесь совсем рядом, часов восемь без гиперпрыжков. Они поэтому и обслуживают Олос, что так близко находятся. Транспортные расходы минимальные – обычные грузовые шаттлы используют, без гипердвигателей.

Ковалёв ещё раз оглядел стоящие рядом контейнеры и размял плечи.

– Думаю, раньше времени туда лезть не стоит, – сказал он. – До посадки смело можно на полу посидеть, а то у меня и так все кости ноют.

– Это точно, – согласился Жаб. – Ты поспи лучше, а я тебя разбужу, как прилетим.

Лёха не стал спорить с другом – он быстро устроился на полу, положив под голову сложенный в несколько раз кусок брезента, оторванный от одного из ящичков. В грузовом отсеке было довольно-таки холодно, но бывший штурмовик привык спать и не в таких условиях. Через минуту после того, как его голова коснулась поверхности грязного брезента, он уже смотрел первый сон.

Как обычно бывает в таких случаях, сколько бы ты ни спал, но если хорошо не выспался, то после пробуждения всегда кажется, будто ты только что уснул, а тебя сразу же подняли.

– Уже? – пробурчал недовольный Ковалёв, после того как Жаб его растолкал. – Прилетели, что ли? Я, наверное, когда вся эта ерунда закончится, неделю

отсыпаться буду.

– Лишь бы закончилась. Давай быстрее прятаться: в любой момент сюда могут войти, мы уже приземлились.

Сказав это, Жаб быстро запрыгнул в один из двух контейнеров, отмеченных комедиантами в начале полёта. До конца не проснувшись, Лёха залез во второй, втайне надеясь додремать в ящике.

Едва друзья обустроились в своих новых укрытиях, в отсек вошли работники порта в сопровождении роботов-погрузчиков, и началась выгрузка. Контейнеры с комедиантами достали в первую очередь. Их вместе с ещё несколькими такими же сразу отвезли на грузовой перрон, где и оставили под присмотром работника охраны.

Через некоторое время к перрону подъехал транспортёр полицейского управления Олоса. Из транспортёра выскочил полицейский-цванк и протянул охраннику электронную накладную. Робот достал планшет, что-то в нём отметил и вызвал погрузчиков, которые быстро зачихали контейнеры в транспортёр. Причём сначала погрузили контейнеры с комедиантами, а все остальные поставили сверху. Таким образом, Лёха с Жабом оказались взаперти.

Почти сразу же транспортёр тронулся в путь. Сидя в контейнере, Ковалёв отметил, что их везут по хорошей дороге. Ехали около двух часов, а затем транспортёр остановился и выключил двигатель. Почти сразу же послышались голоса, и Лёха приготовился к встрече со своими освободителями из контейнерного плена.

– Открывайте быстрее! – донёсся до комедианта знакомый голос. – Почему их, вообще, вниз поставили?

– Не мы же ставили, – ответил второй голос, незнакомый.

– А почему не проконтролировали? Я вас поубиваю, если хоть одна ягодка помялась!

Лёха изо всех сил пытался вспомнить, где и при каких обстоятельствах он слышал этот голос, но у него ничего не получалось. Голос был мягким, немного высоким и принадлежал явно не человеку. И Ковалёв его точно уже слышал – возможно, всего один раз. Но было в этом голосе нечто такое, что заставило Лёху запомнить его навсегда. Только вот что?

Пока Ковалёв предавался воспоминаниям, приоткрылась крышка контейнера, и в глаза беглому легионеру ударил свет. Настолько яркий, что Лёхе пришлось прищуриться.

– Это ещё что? – знакомый голос перешёл на визг. – Что там такое? Кто это? Почему так воняет?

Ковалёв встал в полный рост, посмотрел на кричавшего и увидел перед собой повара олосской окружной тюрьмы для ожидающих суда.

– Я тебя знаю! Ты тот, кого шеф разыграл! – ещё громче закричал повар. – А что ты здесь делаешь?

После этого цванк на секунду замолчал, внимательно посмотрел в контейнер под ноги Лёхе и испустил самый дикий и истошный вопль, какой бывалый штурмовик когда-либо слышал.

– Ылыки! Ты помял ылыки! Я убью тебя!

С этими словами повар прыгнул на Ковалёва, схватил его двумя руками за горло и попытался задушить. Если сам прыжок бывший штурмовик от неожиданности прозевал, то к моменту удушения он уже полностью контролировал ситуацию и двумя резкими короткими ударами привёл повара в чувство.

Лёха с удовольствием навалял бы нервному цванку ещё, но обнаружив направленное на себя дуло электронного карабина, резко потерял интерес к рукоприкладству. На комедианта были направлены сразу два карабина двумя тюремными охранниками.

Повар в это время пытался взять себя в руки. Его трясло от гнева, бедняга делал какие-то дыхательные упражнения, которые, видимо, по его планам должны

были помочь ему в нелёгком деле успокоения, но не сильно помогали.

- Ты понимаешь, что ты помял ылыки? - стонал цванк. - Зачем ты это сделал, варвар? Что же нам теперь делать?

На повара было жалко смотреть: казалось, он был готов упасть на пол и горько разрыдаться.

- Открывайте второй ящик! - отдал он приказ охранникам, те сразу же бросились к контейнеру, в котором сидел Жаб, и осторожно сняли с него крышку.

- Боюсь, вам это не понравится, - только и успел сказать Лёха, как из второго ящика начал вылезать амфибос.

Увидев Жаба, повар принялся уж совсем судорожно хватать ртом воздух.

- Ылыки! - снова прокричал он и потерял сознание.

- Прошу заметить, он сам упал! Никто его не трогал! - на всякий случай сказал комедиант охранникам. - А нам бы с шефом переговорить. Мы, собственно, к нему и приехали.

Через десять минут беглые рабы и легионеры стояли в кабинете начальника тюрьмы. Их старый знакомый полковник Гоку Тынх принял гостей в своей излюбленной позе, стоя у окна. Он с удивлением оглядел комедиантов и мрачно спросил:

- Что за фокусы? И почему от вас так воняет?

- По-другому прийти не получилось, - честно признался Ковалёв. - Ты разве не слышал, что нас обвиняют в убийстве девяти человек?

- Если бы вы убили девять человек, меня бы это вообще не волновало! - неожиданно резко и громко сказал начальник. - Но среди этих девятерых было четыре цванка!

– Это не мы. Нас опять подставили.

– А не слишком ли часто вас подставляют? – цванк был вне себя от злости. – Я тебе не верю!

– Он не обманывает, это действительно не мы, – подключился к разговору Жаб.

– Да и с чего бы нам тогда к тебе приходиться? – продолжил убеждать начальника Лёха. – Ну, ты сам подумай! Не мы их убили! И я могу это доказать! Я хочу это доказать! И хочу найти тех, кто убил этих несчастных, в том числе и четверых твоих сородичей. Точнее, трёх – один погиб в результате несчастного случая, но это в данный момент не важно. Ты можешь нам в этом помочь. Помочь найти и, если получится, наказать! Пожалуйста, поверь нам и помоги!

Начальник тюрьмы призадумался и некоторое время молчал.

– Что я для этого должен сделать? – всё так же мрачно, но уже без агрессии спросил он.

– Организовать одну встречу, и это в твоих силах, – сказал Ковалёв.

– Мне надо подумать, – ответил полковник и снова уставился в окно. – Мне надо подумать.

Глава 2. Встреча со старым знакомым

Полковник Гоку Тынх молча смотрел в окно минут пять, после чего опять повернулся к комедиантам.

– Допустим, – сказал он, тщательно проговаривая каждое слово. – Допустим, что вы говорите правду, и вашей вины в гибели моих братьев нет. Но зачем вы испортили два контейнера ылыков? Повар требует вас убить.

– За что? – удивился Ковалёв. – За два ящика каких-то ягод? Да, они вкусные, я с удовольствием съел несколько штук, пока сидел в ящике, но не слишком ли кровожаден твой повар?

– Он съел несколько штук, – начальник тюрьмы всплеснул руками. – Да за одно это тебя можно убить, а вы целых два ящика передавали! Тут не просто убить, а на кусочки порезать надо и крысам скормить!

Полковник тяжело вздохнул и добавил:

– Вы понимаете, что впервые в нашей тюрьме не сможет быть отпразднован День Благодарения? И не только в тюрьме, но и на всём Олосе этот великий праздник будет испорчен! Многие цванки не смогут его отметить как положено!

Переполюняемый эмоциями начальник тюрьмы не заметил, как перешёл на свой родной язык, высказал на нём комедиантам всё, что о них думает, потом спохватился и опять перешёл на человеческий:

– Каждый заключённый цванк имеет право в День Благодарения получить ылык. Даже сидящий в камере смертников! Я уже молчу про законопослушных граждан. По негласной традиции, ежегодно накануне праздника ылыки привозят к нам, чтобы под нашей защитой и моим личным контролем они были переданы в каждый дом на Олосе, где живут цванки. Это святая традиция! А вы уничтожили наши ылыки! Это большая проблема!

Находящиеся в бегах и обвиняемые в нескольких убийствах комедианты вкладывали в понятие «большая проблема» несколько иной смысл, но перед полковником им всё равно было неудобно.

– А нельзя по-быстрому ещё заказать? – спросил Лёха и, чтобы не казаться совсем уж бесчувственным, добавил: – Мне очень жаль, что так получилось.

– Ещё заказать? – цванк почти простонал. – Ылыки выращивают целый год в особых условиях и специально к этому дню! Негде ещё заказать! Выращивается ровно столько, сколько нужно!

Начальник тюрьмы сокрушённо покачал головой и тяжело вздохнул. Он подошёл к незванным гостям, хотел сказать что-то ещё об испорченном празднике, но вместо этого принюхался, скривился и спросил:

– А почему от вас так воняет?

Комедианты посмотрели друг на друга и тоже принюхались.

– Я ничего не замечаю, – добродушно сказал Жаб.

– Да я, если честно, уже тоже, – добавил Лёха.

– Издеваетесь? – цванк поморщился. – От вас такая вонь идёт, что глаза режет; вы воняете этой кхэлийской дрянью – забыл, как она называется.

– Она называется хэнлорыж, – вежливо сообщил Ковалёв. – Мы почти сутки прятались в ящиках с этой гадостью, прежде чем в ящики с вашими ягодами залезли.

– Что? – закричал полковник, который уже не мог себя сдерживать. – Вы ылыки ещё и этим дерьмом провоняли? Мало того что большую часть передавили, так остальное провоняли? Я сейчас вас обоих лично пристрелю!

Начальник тюрьмы, не сводя ненавидящего взгляда с комедиантов, стал шарить правой ладонью по поясу, пытаясь обнаружить там кобуру, но, к счастью Лёхи и Жаба, её там не оказалось.

– Увести их в карцер! – заорал полковник так громко, будто этот приказ должны были услышать в самом дальнем уголке тюрьмы.

Конвоиры, тоже точившие зуб на испортивших им праздник чужаков, с нескрываемой радостью принялись выполнять приказ.

– Ты должен нам помочь! – крикнул Ковалёв начальнику тюрьмы, но полковник уже отвернулся к окну и никак не отреагировал на эти слова.

– Прекратить разговоры! – сказал дежурную фразу один из конвоиров и ткнул Лёхе в спину стволом электронного карабина. – На выход! Быстро!

Ковалёв сопротивляться не стал, он начал медленно выходить из кабинета, но при этом всё равно крикнул:

– У тебя сидит один кальмар! Шылоо! Адвокат! Он всё знает! Он виноват в гибели твоих братьев! Нам надо с ним поговорить! Помоги, пожалуйста! – заканчивал фразу Лёха уже в коридоре, куда его просто-напросто выпихнули конвоиры.

Комедиантов отвели в карцер – правда, оставили их вместе, хотя по правилам полагалось содержать в нём заключённых по одному. Но с другой стороны, ни Лёха, ни Жаб заключёнными не были, поэтому правила на них особо не распространялись.

Разместив врагов всего рептилоидного народа в карцере, работники тюрьмы со словами: «Да что ж от вас так воняет» закрыли дверь и удалились по своим делам.

Наказанные полковником комедианты не представляли, сколько им предстоит просидеть взаперти, прежде чем начальник тюрьмы определит их дальнейшую судьбу. Несмотря на всю кажущуюся со стороны несерьёзность ситуации, по реакции цванков было видно: обиду человек и амфибос им нанесли страшную.

Впрочем, сидеть предстояло Жабу – Лёха, как только за конвоирами закрылась дверь, завалился спать. После вынужденной вахты на руднике он использовал любую возможность, чтобы набраться сил.

Разбудил Ковалёва скрип открываемой двери. Он поднялся, протёр глаза и с удивлением обнаружил на пороге заместителя начальника тюрьмы. Тот вошёл в карцер, с интересом оглядел узников.

– Шеф пока ещё не готов вас видеть – он очень зол. У повара случился сердечный приступ, его отвезли в госпиталь. Все служащие и заключённые цванки хотят вас растерзать. Половина заключённых готова на всё, лишь бы добраться до вас, пусть им за это даже увеличат срок втрое, – сразу обрисовал ситуацию заместитель начальника, после чего недовольно повёл носом и

добавил: – А что это здесь так воняет?

– Крыса сдохла в вентиляции, наверное, – угрюмо ответил Лёха, которого уже порядком утомили вопросы про запах.

– Проверим, – деловито принял к сведению это объяснение замначальника. – А сейчас пойдёмте со мной! Шеф хоть и злится, но всё равно решил вам помочь. Он даже простит вас, если вы узнаете, кто убил наших братьев.

Из карцера комедиантов напрямик повели в знакомый им спортзал, посредине которого в широком кресле, ничего не понимая и испуганно озираясь, сидел господин Шылоо. Возле него стоял крупный охранник-цванк.

– Он? – спросил замначальника, издав показав на кальмара.

– Он, – ответил Жаб.

– Надеюсь, вы не ошибаетесь, и это действительно тот, кто вам нужен и кто сможет рассказать подробности о гибели наших братьев. Вы не ограничены по времени, но до утра желательно управиться. Охранник не будет вам мешать, в пределах спортзала можете делать с этим кхэлийцем всё, что посчитаете нужным, – сказав это, заместитель начальника тюрьмы удалился.

Комедианты остались с адвокатом Шылоо практически наедине, потому что безучастный охранник, повернувшись к кальмару спиной, походил скорее на предмет интерьера, чем на живое существо.

Подойдя к кхэлийцу, Лёха с Жабом обнаружили, что тот прикован к креслу специальным приспособлением, опоясывающим его вокруг тела и крепко удерживающим на месте. В силу специфики анатомии наручники на кальмара надеть было невозможно. И хоть Ковалёв не разбирался в мимике уроженцев Кхэлиэ, он без труда понял: адвокат сильно напуган. А увидев комедиантов, кальмар и вовсе начал трястись мелкой дрожью.

Лёха не спешил начинать разговор – он желал подольше насладиться этим зрелищем: видом испуганного, ничего не понимающего адвоката. Последние события сделали, в общем-то, добродушного комедианта немного кровожадным.

Хоть несчастный господин Шылоо и не был, скорее всего, главным организатором всех Лёхиных несчастий, но этот кальмар явно приложил к ним свои щупальца. И не один раз.

– Ну, здравствуй, друг наш пудингообразный! – через некоторое время всё-таки начал разговор Ковалёв. – Рад нас видеть?

Кальмар молчал, продолжая трястись от страха.

– Так не пойдёт. Мы пришли поболтать, а ты трясешься и молчишь, – продолжил Лёха. – Или тебе здесь, в тюрьме язык вырвали?

– Как вы сюда попали? Как вы нас нашли? – наконец-то выдавил из себя кальмар.

– Ну, найти тебя было нетрудно. Все ваши СМИ сообщили, что ты здесь – всё же нечасто такой важный адвокат в тюрьму садится. А попали мы сюда, потому что благодаря тебе и твоим подельникам у нас здесь появились друзья, – удовлетворил Лёха любопытство кхэлийца.

– Почему от вас пахнет хэнлорыжем? Что вам от нас надо?

– Вот это я понимаю, деловой разговор, – сказал Лёха и улыбнулся. – Только вопросы сегодня будем задавать я и мой друг. А ты будешь на них отвечать и желательно без обмана! Начнём сразу с главного. Расскажи-ка нам, дружок, кто и за что нас подставил?

– Мы вам ничего не скажем. Мы требуем адвоката! – решительно заявил господин Шылоо.

– Я тебе сейчас такого адвоката организую, что мало не покажется! – вступил в разговор Жаб. – Быстро отвечай, пока я тебе щупальца отрывать не начал!

– Мы требуем адвоката! – повторил кальмар.

– Хорошо, – вздохнул Ковалёв. – Мы уже поняли, что ты крепкий парень. Уважаем. Но надо как-то выходить из ситуации. Времени у нас вроде бы и много, но терять его просто так – глупо. Поэтому давай, ты нам всё-таки кое-что

быстренько расскажешь, пока мой друг не начал прибегать к крайним мерам.

- Мы требуем адвоката!

- Слушай, ты! Чучело восьмихвостое! - Лёха начал выходить из себя. - Мы ведь реально сейчас начнём все твои конечности отрывать - не посмотрим, что охранник рядом.

Охранник тем временем продолжал делать вид, что его в спортзале нет, предоставляя комедиантам полную свободу действий. А Ковалёв психологически настраивался, чтобы перейти от обычного допроса к допросу с применением подручных средств.

- Мы требуем адвоката! - повторил кальмар - он был непоколебим.

- Надо попытаться, - совершенно спокойно сказал Жаб, словно дело шло о какой-то мелочи. - Так он ничего не скажет.

Лёха согласно кивнул и спросил товарища:

- Ты сможешь без подручных средств? А то я даже и не знаю, что с ним сделать-то можно. Ни руку, ни ногу не сломаешь.

- Придумаем что-нибудь, - успокоил друга амфибос. - Не переживай!

- Что, клоуны! Не можете вдвоём одного кальмара на разговор раскрутить? - донёсся в этот момент до комедиантов голос начальника тюрьмы.

Таким образом полковник прервал рассуждения Лёхи и Жаба о способах пытки адвоката. Он подошёл к комедиантам в сопровождении двух охранников, один из которых катил перед собой небольшую тележку с ящиком.

- Не идёт беседа, да? - спросил начальник и недобро улыбнулся. - Ничего, сейчас пойдёт. И что бы вы без меня делали?

Полковник кивком подал знак охранникам. Один из них достал из ящика небольшую пластиковую клетку с огромной крысой. В одной из стенок клетки

имелось небольшое отверстие, прикрытое задвижкой.

Охранник поднёс клетку к адвокату и немного отодвинул задвижку. Второй в это время схватил одно из щупалец кальмара и поднёс к отверстию. В одно мгновение задвижка была отодвинута полностью, а щупальце просунуто в клетку. Голодная крыса тут же впилась зубами в щупальце и начала его грызть. Кальмар взвыл и принялся извиваться в кресле, но охранники крепко держали и клетку, и щупальце.

Видавший на своём веку многое, Лёха тем не менее невольно отвёл взгляд.

– Может, хватит? – спросил он у начальника тюрьмы примерно через полминуты.

– Пока не хватит, – спокойно ответил полковник. – Клиент уже напуган, но ещё не осознал, что мы пойдём до конца, если он не станет покладистым.

Ковалёв не испытывал ужаса от зрелища пытки, но и особого удовольствия от этого не получал, поэтому просто отвернулся. А Жаб невозмутимо наблюдал за процессом. Через две минуты, когда под истеричные вопли кальмара крыса отгрызла от щупальца значительный кусок, начальник тюрьмы подал знак, и клетку с крысой убрали. Кхэлиец выл от боли и тряс в воздухе окровавленной конечностью.

– Ещё хочешь? – совершенно спокойно спросил начальник тюрьмы.

– Нет! – закричал кальмар.

– Будешь отвечать на вопросы?

– Да!

– Это хорошо, – произнёс цванк и улыбнулся своим жутким оскалом. – Но если нам твои ответы покажутся неискренними, то клетку привяжут к твоему брюху. Веришь мне?

– Да.

– Господа! – обратился полковник Тых к комедиантам. – Проблема отсутствия коммуникабельности решена! Задавайте ваши вопросы и не забудьте о том, что интересует меня. А я, с вашего позволения, немного отойду – уж очень от вас воняет. Прошу прощения!

Цванк отошёл в сторону, уселся на специально принесённый для него стул и крикнул:

– Только ничего не забудьте! Второго раза не будет!

Лёха кивнул начальнику, после чего посмотрел на кальмара и спросил:

– Будем отвечать?

– Будем, – ответил адвокат, кривясь от боли и поглядывая на своё окровавленное щупальце.

– Тогда приступим! И начнём с того, что ты нам расскажешь, кто нас подставил. И кто убил старика?

– Кто именно убил, мы не знаем, – простонал адвокат. – Наняли кого-то. Честно, не знаем. А нанял Бронкхорст. Точнее, мы и господин Чэроо наняли на деньги Бронкхорста. А если совсем точно, то Чэроо. Они нанимали лично. Они давно были в обиде на отца за то, что те не хотели им помочь в инвестировании некоторых проектов. Вот и решили быстрее получить наследство.

– И что, обязательно надо было нас подставлять? Ну, грохнули бы и грохнули, никто бы не нашёл убийцу. Зачем нас подставили? – не удержался возмущённый Жаб.

– Так это и была основная задача – вас подставить!

Комедианты уставились на кальмара, как пятилетний кхэлиец на тазик хэнлорыжа: они поняли смысл сказанных адвокатом слов, но никак не могли его принять и осознать.

– Давай-ка с самого начала и поподробнее, – первым пришёл в себя Лёха.

– Некоторое время назад, – начал рассказ кальмар, – с нами связался Астигар Тид – он помощник и правая рука Бронкхорста. Тид сказал, что ему нужно так подставить двух комиков, то есть вас, чтобы их передали кому-нибудь в рабство, и потом их можно было перепродать господину Бронкхорсту. Мы рассказали об этом господину Чэроо, зная, что они не ладят с отцом. И мы провели эту операцию, в результате которой господин Чэроо получили наследство, а чуть позже и вас. Разумеется, как было оговорено заранее, вас они передали Бронкхорсту.

– Погоди-ка! – Лёха не верил своим ушам. – Ты хочешь сказать, что старика, такого крутого и богатого, завалили лишь для того, чтобы двух странствующих комедиантов сделать рабами этого Бронкхорста?

– Именно для этого! – подтвердил кальмар. – И ещё чтобы господин Чэроо получили наследство, но это была уже второстепенная задача. Про наследство мы придумали, чтобы господин Чэроо заинтересовался проектом.

– Но зачем мы Бронкхорсту? – с искренним удивлением спросил Ковалёв.

– Не знаем. Задача была вас подставить. Мы свою работу сделали. На Ксин слетали, на Олос вас приехать уговорили, в клубе подставили, довели дело до передачи вас по бумагам Бронкхорсту. А зачем вы ему, мы не в курсе.

– А зачем этого Чэроо убили? – поинтересовался Жаб.

– Их не собирались. Но они начали дерзить Бронкхорсту, и раз уж вы сбежали, нужен был хороший повод объявить вас в розыск.

Господин Шылоо отвечал на все вопросы очень подробно и с энтузиазмом – видимо, ему очень не хотелось, чтобы его ответы показались начальнику тюрьмы неискренними. Примерно через час душевного разговора комедианты окончательно уяснили себе, что во всех случившихся с ними в последнее время неприятностях они являются не случайной жертвой, а главными действующими лицами.

Загадочный Бронкхорст решил любым способом заполучить комедиантов себе в рабство и завладеть их имуществом. Ради этого он был готов на любые затраты

и жертвы. Однако после того как всё пошло не по плану, и Лёха с Жабом стали докапываться до истины, допросив по ходу дела ещё и Гирта Джаапа, Бронкхорст занервничал.

Со слов адвоката Шылоо, бедняга Джаап после визита к нему комедиантов сразу же сделал два звонка: первый кальмару, предупредив кхэлийца, что к нему скоро приедут, второй Бронкхорсту. Таким образом, вроде бы умный нотариус этим глупым поступком подписал себе приговор. Джаап попросил у Бронкхорста защиты, но тот решил, что убрать свидетеля намного проще, чем защищать.

Господин Шылоо, увидев по новостям, что произошло с нотариусом, сразу понял: это сделали не комедианты, и потому принял правильное решение – на время спрятаться. И спрятался он там, где, по его мнению, его не могли настичь ни Лёха с Жабом, ни люди Бронкхорста. Он быстро написал сам на себя донос в налоговую службу Олоса и обеспечил себе быстрый арест.

В тюрьме кальмар рассчитывал просидеть до того момента, как Бронкхорст расправится с комедиантами. В том, что это рано или поздно произойдёт, кхэлиец не сомневался. После чего он планировал доказать несостоятельность доноса и выйти на свободу. К этому моменту он снова стал бы не опасен для Бронкхорста и мог не переживать за свою жизнь.

Но господин Шылоо сильно ошибся: по иронии судьбы, единственное место, где Лёха с Жабом могли его настичь, была именно окружная тюрьма Олоса для ожидающих суда, которой руководил полковник Гоку Тынх – кровожадный, но справедливый.

Беглые рабы господина Бронкхорста были настолько шокированы полученной информацией, что поначалу даже отказывались верить услышанному. Но стонущий от боли адвокат, зажимающий разгрызенное крысой щупальце, не походил на существо, склонное в такой ситуации обманывать. Поэтому комедиантам пришлось смириться с открывшимися фактами.

При этом Лёха с Жабом совершенно не представляли, зачем они могли понадобиться загадочному Бронкхорсту. На этот счёт у них не было даже предположений. Но зато теперь появилось чёткое понимание: уйти от проблемы, не разрешив её полностью, точно не получится.

– Ладно, в принципе всё ясно, – задумчиво произнёс Ковалёв, осознавая при этом, что ему совершенно ничего не ясно. – Теперь, пока Бронкхорста не поймает, дополнительных подробностей не узнаем. Отсюда задача – найти этого гада! Давай всю информацию про него! Всё, что знаешь! Где, с кем, как, зачем и всё остальное!

– Мы не знаем! Мы честно не знаем – мы все дела вели через Тида, Астигара Тида, – затараторил кальмар, опасливо поглядывая на начальника тюрьмы. – Честно, не знаем!

– Хорошо, – согласился Лёха. – Верю. Тогда говори, как найти Тида? Где живёт? Где работает? Где отдыхает?

– Мы не знаем, он сам всегда звонил нам.

– У... – мрачно протянул Ковалёв. – Мы опять в секретике играем? Что ж, жаль твой пухленький животик.

– Нет! Не надо нас мучить! Мы правду говорим! – завопил кальмар.

– А что нам с твоей правды? – мрачно сказал Жаб. – Нам нужна информация. Как мы этого Тида искать будем, если ты ничего ценного про него сказать не можешь?

– Мы знаем лишь, что он живёт в Тропос-сити, – простонал адвокат. – И ещё он коллекционер! Он просто помешанный! Его главная страсть – коллекция антиквариата Лифентра! Это его слабость, особенно картины периода гонений. Он не пропускает ни одного аукциона, мы несколько раз, кстати, там и встречались. Да! Вот ещё! Он всё пытался уговорить господина Чэроо, чтобы они продали ему какую-то картину этого периода. Но господин Чэроо всегда отказывались.

– А зря. Пообещал бы продать – может, и не улетел бы в сломанной капсуле в открытый космос, – предположил Лёха. – Картины Лифентра периода гонений, значит? Не густо, но хоть что-то. Надеюсь, этот Тид хоть знает, где Бронкхорста искать?

- Безусловно! Он его правая рука!

Сказав это, господин Шылоо поморщился от боли, посмотрел на своё окровавленное щупальце и добавил:

- А нельзя нам поскорее перевязку сделать и обезболивающее дать?

- Это не к нам, - равнодушно ответил Жаб. - Ты лучше скажи, кто именно принимал решение об отправке неисправной капсулы в открытый космос?

- Особо никто и не принимал, Бронкхорст и Тид обсуждали это как само собой разумеющееся.

- То есть, они оба виновны в гибели всех существ в капсуле? - уточнил амфибос.

- Да, - подтвердил кальмар.

- У меня вопросов к нему больше нет, - сказал Жаб, посмотрев на Лёху. - А у тебя?

- Только один остался, - ответил Ковалёв другу, посмотрел на кхэлийца и спросил: - Скажи, как вы эту гадость жрёте? Хэнлорыж ваш.

- Это вкусно, - искренне ответил кальмар.

Лёха усмехнулся и крикнул в сторону полковника Тынха, который, казалось, уже задремал на своём стуле:

- Мы всё!

Начальник тюрьмы встал и подошёл к комедиантам.

- Вы уверены, что спросили его обо всём, о чём хотели? - поинтересовался цванк. - Потому как, напомню ещё раз, второго шанса поговорить с ним у вас не будет.

– Уверены, – сказал Лёха, а Жаб подтвердил слова товарища убедительным кивком.

Полковник тоже кивнул, давая понять, что принял такой ответ, после чего сказал охранникам:

– Вы знаете, что делать.

Охранники-цванки тут же отстегнули господина Шылоо от кресла и поволокли его к выходу.

– Нам бы перевязку и обезболивающее побыстрее! – успел крикнуть адвокат прежде, чем его вывели из спортзала.

– Что теперь будет с нашим другом? – спросил Ковалёв полковника, после того как увели кхэлийца.

– Ничего хорошего, – ответил Гоку Тынх. – Вы же понимаете, что утром он первым делом встретится со своим адвокатом и всё ему расскажет. Мне бы этого очень не хотелось. Думаете, легко цванку на Олосе дослужиться до начальника тюрьмы? Я не хочу всё потерять из-за какого-то продажного адвоката. К тому же, надеюсь, после того как крысы съедят такого уважаемого члена общества, у нас наконец-то проведут нормальную дезинфекцию.

– А ты всё пытаешься совместить полезное с ещё более полезным? – Лёха попытался перевести в шутку неприятную тему.

– Ну а что? – цванк пожал плечами. – Судя по всему, этот адвокат был не очень хорошим существом, так пусть хоть какую-то пользу принесёт обществу.

– И ведь не поспоришь, – согласился Ковалёв. – Надеюсь, вы его хоть перед этим вырубите? Не живьём же его крысам отдадите?

– Нельзя его вырубать. Будет экспертиза, проверят всё. Поэтому придётся ему потерпеть, – мрачно ответил полковник.

– Жестоко.

– Будем считать, что ему не повезло. К тому же моим братьям в той капсуле тоже нелегко было. Я ещё чем-нибудь могу вам помочь? Если нет, то спасибо, что помогли узнать правду, но у меня много дел, надо идти.

– Мы узнали всё, что хотели – сказал Жаб. – Спасибо за помощь!

– Не за что, – ответил начальник тюрьмы и обратился персонально к Лёхе: – А ты извини, что я сразу тебе не поверил.

– Да я понимаю, – усмехнулся Ковалёв. – Не проблема! Человеку верить иной раз себе дороже выходит. Ещё раз спасибо! Отлично всё прошло, разве что немного жалко кальмарца.

Начальник тюрьмы скривился – видимо, улыбнулся – и сказал:

– Если ещё чем-то смогу помочь, обращайтесь!

– Было бы неплохо нас назад на Лакфан отправить – если получится, конечно, – сразу же попросил Жаб, которого судьба кальмара беспокоила меньше, чем отлёт с Олоса. – Можно тем же способом, каким мы сюда прибыли.

– Что-нибудь придумаем, – пообещал полковник Тынх. – Только дайте слово, что если найдёте тех, кто убил моих братьев, то отомстите за них!

– С удовольствием, – ответил Ковалёв. – Здесь, вообще, не переживай и не сомневайся! Отомстим по полной программе.

– Мы убьём их всех, – лаконично добавил Жаб.

Глава 3. Неожиданная встреча в порту

Примерно через час после завершения допроса с пристрастием комедианты уже тряслись в служебном тюремном транспортёре, неспешно плетущемся по пыльным дорогам Олоса в сторону порта. Полковник Гоку Тынх и в этот раз

сдержал своё слово. И пусть путь на транспортёре был не самым приятным и не самым быстрым, но зато самым безопасным.

В отличие от летательных аппаратов, наземные транспортные средства при въезде в порт через служебный терминал проверялись выборочно, и, разумеется, никому в голову не пришло досматривать тюремный транспортёр, прибывший за привезёнными с Лакфана продуктами для заключённых.

Одетые в специальную форму сотрудников техобеспечения тюрьмы, смешавшись с настоящими сотрудниками, комедианты без проблем перебрались на борт небольшого шаттла, занимавшегося доставкой продуктов для пенитенциарных учреждений Олоса. На борту их встретил сам капитан шаттла, сразу же заявивший, что для него большая честь – помогать друзьям полковника Тынха.

Капитан был двоюродным братом одного из надзирателей тюрьмы для ожидающих суда, поэтому нисколько не лицемерил, встречая друзей полковника как родных. О том, что его друзья лишили половину цванков Олоса ыльков ко Дню Благоденствия, начальник тюрьмы предусмотрительно умолчал, иначе бы у комедиантов были все шансы не долететь до Лакфана, сойдя с шаттла где-нибудь в середине дороги без пожелания счастливого пути и без скафандров.

Лёхе с Жабом выделили небольшую каюту для отдыха, в которой едва разместились маленькая койка и небольшое кресло. Но по сравнению с тем, как они добирались до Олоса, путь на Лакфан можно было смело назвать проходящим в царских условиях. Ковалёв завалился на кровать, еле уместившись на ней калачиком, а амфибос расположился в кресле.

– Ну что, друг мой, есть какие-нибудь мысли относительно того, зачем мы понадобились этому Бронкхорсту? – впервые после допроса адвоката Шылоо поднял злободневную тему Ковалёв. До этого в присутствии посторонних комедианты старались её не обсуждать.

– Вот даже предположений никаких нет, – признался Жаб. – У меня, конечно, имеются враги, но вот чтобы на таком уровне – такого ещё не было.

– Да уж, – согласился Лёха. – Уровень у этого гада высокий. Чтобы всё так организовать, нужны хорошие связи.

– Думаю, одними связями не обошлось. Он и денег в это дело вложил немало.

– Но зачем?! – воскликнул Ковалёв и, не совладав с эмоциями, вскочил с кровати. – Зачем? Если уж у него на нас зуб имеется, то за такие деньги нас просто могли к нему в загородный дом в клетке привезти. Дело нехитрое. На том же Ксине можно было не городить постановок с концертом. Просто ударили бы хорошо по башке или электрошокером вырубил, да в мешки, а потом в клетку. А они старого кальмара грохнули. Судили нас. Потом ещё столько народа завалили. Ради чего весь этот цирк?

– Не знаю, но мне кажется, мы нужны этому Бронкхорсту живыми, – предположил амфибос.

– Мне тоже так кажется. И это в какой-то степени радует, – сказал Лёха и снова лёг на кровать. – Ладно, на всякий случай посплю, а то неизвестно, когда в следующий раз получится.

Ковалёв повернулся к стене, намереваясь уснуть, а Жаб попробовал поудобнее устроиться в кресле, чтобы предаться размышлениям о жизни и более тщательному анализу полученной от адвоката Шылоо информации.

По прибытии в порт Лакфана комедианты без проблем растворились в огромном количестве народа, снующего туда-сюда. Форму сотрудников техобеспечения тюрьмы им любезно разрешили оставить себе, поэтому смотрелись Лёха с Жабом на общем фоне вполне прилично и совсем не походили на двух беглых рабов, являющихся по совместительству беглыми трудовыми легионерами.

– Ну что ж, до Лакфана добрались, теперь надо как-то отсюда свалить на Тропос, – сказал Лёха, глядя на стоявшие вдали корабли с символикой «Гуань корпорейшн».

– Я думаю, проблемой будет не отсюда свалить, а на Тропосе не попасться сразу по прибытии, – поделился опасениями Жаб.

– Не спорю, но предлагаю решать проблемы по мере поступления, – ответил Ковалёв и огляделся по сторонам. – Сейчас надо узнать расписание вылетов на Тропос всех возможных кораблей. И что-то я не вижу никакого табло с

информацией.

– А с чего бы ему быть? – удивился амфибос. – Аэропорт имеет практически военный статус. Одна половина рейсов – секретные, другая – служебные коммерческие. Надо найти кого-нибудь из диспетчерской службы. Придётся немного взять из тех денег, что полковник дал на дорогу, и заплатить за информацию.

– Заплатить мы всегда успеем, – возразил Лёха. – Дай сначала на халяву попробую.

Ковалёв набрал в лёгкие побольше воздуха, расправил грудь, принял вид бравого, но простоватого парня, заблудившегося в порту, и вразвалочку пошёл по залу ожидания. Почти сразу же он аккуратно, но уверенно подхватил под локоть какого-то щуплого паренька, который, сгорбившись от невероятных усилий, толкал по полу огромную тележку с непонятными металлическими штуковинами: то ли запчастями, то ли мусором.

– А скажи мне, братишка, ты здесь в порту давно работаешь? – спросил Лёха, ловко развернул паренька и посмотрел ему прямо в глаза, чтобы, не дав опомниться, озадачить небольшой просьбой – помочь найти кого-нибудь из диспетчерской службы.

Но ничего спросить Ковалёв не успел. Посмотрев в лицо пареньку, комедиант лишь охнул от удивления и выпучил глаза.

– Бинго! – единственное, что он сумел произнести спустя некоторое время.

Из-под козырька рабочей кепки сотрудника порта на Лёху смотрели уставшие и испуганные глаза Носка.

– Не бейте меня, господин Лёха! – закричал уроженец Лифентра, упал на колени, застонал и обхватил обеими руками правую ногу комедианта. – Я не виноват! То есть, виноват, но я не виноват!

– Да не собираюсь я тебя бить! – ответил Лёха, отталкивая от своей ноги Носка. – Пока не собираюсь.

Ковалёв повернулся к товарищу и крикнул:

– Жаб, погляди-ка, какие редкие персонажи тут тележки толкают!

Амфибос внимательно осмотрел своего потерявшегося адвоката и произнёс:

– Как-то он паршиво выглядит для парня, присвоившего все наши деньги.

– Я ничего не присвоил! – Носок бросился к Жабу и уже его схватил за ногу.

Амфибос схватил несчастного адвоката за шиворот, приподнял от пола, поставил перед собой и рявкнул:

– Рассказывай всё! Если хоть в чём-то обманешь, убью!

– Я не виноват! – Носок снова упал на колени и опять схватил Жаба за ногу.

Второй раз за шиворот его поднял Лёха.

– Носочек, дорогой ты наш, виноват ты или не виноват, мы решим чуть позже. А сейчас ты нам расскажешь, что произошло, – стараясь быть корректным, сказал Ковалёв. – Но для начала возьми себя в руки и прекрати этот концерт. На нас и так уже косятся.

Адвокат, тем не менее, предпринял очередную попытку пасть ниц, но Лёха держал его крепко.

– Ещё раз попробуешь упасть – ударю! Больно! – сказал бывший штурмовик.

Эти слова произвели на Носка отрезвляющее действие. Он хоть и не прекратил стонать, но падать и хватать комедиантов за ноги перестал.

– Вот, молодец! Веди себя достойно! – сказал комедиант. – Сейчас мы, не привлекая больше ничего внимания, спокойно отойдём в сторонку, и ты нам нормально объяснишь, что с тобой произошло. Но судя по твоему виду, рискую предположить, что ничего хорошего.

– Мне бы сначала тележку откатить, а то меня сегодня не покормят, – сказал адвокат и посмотрел на своих работодателей настолько несчастными и измученными глазами, что у Лёхи к горлу подкатил комок.

– Не покормят? – с трудом выговорил Ковалёв.

– Да. Я здесь работаю за еду, – печально произнёс Носок и тяжело вздохнул. – Кормят плохо, но зато регулярно. Если, конечно, выполнять план. Стало быть, мне бы тележку откатить надо побыстрее, чтобы меня не оштрафовали и не лишили ужина.

Лёха расхохотался: всё-таки уроженец Лифентра был больше смешным, чем жалким, – по крайней мере, в этот момент Ковалёву показалось именно так. Он по-дружески хлопнул Носка по плечу и сказал:

– Забудь ты про свою тележку, покормим мы тебя. Пойдём, расскажешь, что с тобой всё-таки произошло.

Беглые рабы и их незадачливый адвокат отошли в сторонку, где Носок поведал комедиантам свою душераздирающую историю.

Как оказалось, прибыв на Лакфан, адвокат первым делом, как и было оговорено с его нанимателями, начал искать возможность скорейшей переправы своих подопечных на Олос. Здесь же в порту он обратился к первому попавшемуся ему на глаза капитану торгового шаттла, совершавшего регулярные рейсы на Олос. Выслушав Носка, старый космический волк обрадовался возможности подзаработать и тут же согласился доставить его друзей на Олос.

Особенно капитан обрадовался, узнав, что адвокат прибыл в порт один, и все деньги у него с собой. Он тут же пригласил наивного жителя Лифентра к себе на корабль, якобы для того, чтобы показать, в каких условиях его друзья полетят на Олос. Но на корабле вместо обещанной экскурсии Носок получил удар кулаком в нос и предложение отдать капитану все деньги. В силу определённых причин, в первую очередь разницы комплекций, Носок от этого предложения отказаться не смог.

Несколько дней после этого обманутый адвокат голодал, ночуя в зале ожидания, а потом смог устроится на должность разнорабочего порта. Обычно для любой

неквалифицированной работы администрация использовала бесплатный труд роботов, но Носку невероятно повезло: за последний месяц из строя вышло несколько железных разнорабочих. И пока администрация порта ждала, что бракованных роботов поменяют по гарантии, их нужно было чем-то или кем-то заменить.

И этим кем-то стал несчастный уроженец Лифентра, обманутый непорядочным капитаном шаттла. Носок получил в обмен на тяжёлую работу и двенадцатичасовой рабочий день гарантированное двухразовое питание: кашу с чаем утром и похлёбку с компотом вечером. На вопрос, почему он не пытался найти комедиантов или просто вернуться на Тропос, адвокат ответил, что без денег на Лакфане об этом даже и мечтать было нельзя, а капитан шаттла забрал у него всё до последнего юаня.

– Есть мнение, что ты счастливчик! – усмехнулся Лёха, дослушав рассказ своего адвоката и потенциального летописца.

– Почему это? – спросил адвокат и посмотрел на работодателя с обидой – он явно не считал себя счастливчиком.

– Как минимум, потому что сегодня у тебя на ужин будет мясо! – ответил Ковалёв и обратился к товарищу: – Да, Жаб? Покормим нашего адвоката мяском? А то я смотрю, он вообще еле ноги передвигает на местной каше.

Амфибос проигнорировал Лёхины слова и обратился к Носку:

– А ты помнишь имя того капитана или хотя бы название корабля?

– Да, конечно, – уроженец Лифентра опять грустно вздохнул. – Он здесь часто бывает. Я один раз даже не выдержал и обратился к нему с просьбой увезти меня отсюда хоть куда-нибудь, на любую нормальную планету. Он много куда летает, и я рассчитывал, что после того, как он отобрал у меня все мои... ваши деньги, я могу его попросить о такой мелочи, но он лишь избил меня.

Носок замолчал, затем зашмыгал носом и добавил:

– А в полицию обращаться я испугался. Не за себя, конечно. Я испугался, что он им про вас расскажет.

– А можешь узнать, в данный момент его корабль, случайно, не в порту? – спросил амфибос.

– Да, могу, подождите минут пять, – ответил Носок и быстро убежал.

– Хочешь совместить полезное с приятным? – спросил Лёха друга, глядя вслед убегающему адвокату.

– Не знаю, что в этом может быть приятного и какую дополнительную пользу из этого можно извлечь, но деньги наши вернуть мы должны! – мрачно сказал амфибос.

– Как всегда, не могу не согласиться! – сказал Ковалёв и рассмеялся; в отличие от Жаба, его развеселила вся эта история, и он с нетерпением предвкушал встречу с неординарным капитаном шаттла.

Через две минуты вернулся запыхавшийся Носок и громко отрапортовал:

– Торговый шаттл «Принцесса Дандан» – ну, тот самый, стоит в порту! Стало быть, и капитан здесь!

– Какое красивое название у кораблика. И какой гадкий капитан, и какие у него некрасивые поступки. Ну что, Жаб, нанесём визит возмездия нашему жадному принцу Дандан прямо сейчас? – спросил Лёха, в предвкушении потирая костяшки пальцев.

– А чего ждать? – ответил амфибос. – Ещё улетят.

– Вы хотите попробовать уговорить его отвезти нас на Олос, раз уж он присвоил ваши деньги? Или на Тропос? – спросил Носок, и этот вопрос вызвал у Лёхи приступ оглушительного смеха.

– Нет, друг, хочу ему руку пожать! – ответил Ковалёв, просмеявшись.

– Пожать ему руку? – опешил адвокат. – За что? Он же ваши деньги забрал!

– Пожать? Я сказал «пожать»? – Лёха продолжил веселиться. – Тебе слышалась, друг! Я сказал «сломать»!

Капитан торгового шаттла «Принцесса Дандан» Роб Кун сидел за столиком в небольшом ресторанчике при космопорте Лакфана. Погрузка товара проходила без его участия, вылет был запланирован на утро, и капитан не видел причин отказывать себе в небольшом удовольствии – распитии нескольких кружек местного желудёвого эля.

Судя по выдающемуся пивному животу, такое желание посещало Куна частенько. Роста он был невысокого, но благодаря коренастому сложению выглядел мужиком крепким.

Допив очередную кружку эля, капитан стал оглядываться по сторонам в поисках ближайшего официанта, явно желая оповестить того о продолжении банкета и необходимости срочной доставки на стол Куна очередной порции пенного напитка. В этот момент к нему подсел Ковалёв.

– Капитан Кун? Верно? – спросил Лёха.

– Да, это я. А мы знакомы? – ответил капитан и попытался хорошо рассмотреть подсевшего к нему, вспоминая, когда, где и при каких обстоятельствах они могли познакомиться.

– Мы не знакомы, господин Кун, но это не поздно исправить, – сказал Ковалёв и протянул капитану руку. – Меня зовут Астигар!

– Просто Астигар?

– Ага. Работа у меня такая, что фамилию я предпочёл бы не называть.

Капитан Кун с любопытством, но без испуга посмотрел на Лёху.

– А от меня вы чего хотите, просто Астигар?

– Сразу к делу? Вот это по-нашему! В армии не служили? – спросил Ковалёв, огляделся по сторонам и негромко добавил: – Вы завтра вылетаете на Олос?

– Вылетаю.

– Я хочу, чтобы вы взяли с собой двух пассажиров: маленькую девочку и её телохранителя. Я щедро заплачу.

– А почему бы вам не отправить их обычным рейсовым пассажирским шаттлом? У меня условия не совсем подходящие для провоза пассажиров, особенно маленьких девочек.

Лёха рассмеялся.

– Почему не отправляю обычным рейсом? Это вы такой любопытный, господин Кун, или цену так набиваете?

– Цена у меня фиксированная, – ответил капитан.

– Ну, мы прямо семимильными шагами движемся к нашему соглашению. Уже и к обсуждению цены подошли, – Ковалёв перестал смеяться и посмотрел в глаза капитану. – Сколько за двоих возьмёте?

– Это зависит от того, нужно их просто перевезти или надо спрятать и незаметно высадить на Олосе.

– Второе, – ответил Лёха. – Но я хотел бы посмотреть условия, в которых им предстоит лететь. А там уже и с ценой определимся, я думаю.

– Посмотреть – не проблема, – сказал Кун. – Но нечего туда-сюда по несколько раз на корабль и с корабля бегать. Приходите с ними и смотрите. И пусть ваши пассажиры сразу вещи возьмут: если вас всё устроит, им лучше сразу остаться.

– Логично. Сразу видно делового человека, – отпустил Ковалёв ещё один комплимент капитану.

Кун допил эль, достал из кармана небольшую пластиковую карточку, положил её на стол перед Лёхой и сказал:

– Покажите её охране корабля, и вас пропустят. Жду всех троих у себя через два часа. Опоздание более чем на пять минут аннулирует договорённость.

Лёха взял со стола карточку, подмигнул капитану и покинул ресторанчик, а Кун принялся опять выглядывать официанта.

Глава 4. «Принцесса Дандан»

Ровно через два часа после Лёхиного разговора с капитаном Куном комедианты и их невезучий адвокат, переодетый в девочку, прибыли к грузовому шаттлу «Принцесса Дандан». Носок с его хилой комплекцией в женской одежде и с закутанным лицом был роскошен. Он настолько походил на настоящую девочку, путешествующую инкогнито, что Ковалёв несколько раз назвал его принцессой Дандан.

На подходе к кораблю их остановила охрана. Лёха показал карточку, полученную от капитана, и через несколько минут всю троицу проводили в каюту к господину Куну.

Капитан оглядел Жаба и Носка, после чего вопросительно посмотрел на Ковалёва и спросил:

– А почему они без вещей? Я же сказал: нежелательно туда-сюда шастать. Или налегке полетят?

– Да не полетят они никуда, – спокойно ответил Лёха, а Носок снял повязку с лица.

Капитан внимательно всмотрелся в уроженца Лифентра. По напряжённому лицу Куна было видно, что он не может узнать переодетого в девочку гуманоида, но при этом понимает, что они раньше виделись.

– Не узнаете меня? – со злостью сказал Носок и посмотрел на капитана с нескрываемой злостью, доселе комедиантами невиданной. – А так?

Адвокат до конца размотал тряпки на лице, почти полностью стянул женское платье, которое было надето поверх его обычной одежды, и подошёл вплотную к капитану. Кун узнал его и быстро посмотрел сначала на дверь, потом на небольшой шкафчик на стене, в котором, скорее всего, было припрятано оружие. За те доли секунды, что капитан прикидывал, до чего ему быстрее допрыгнуть, до двери или до шкафчика, Лёха успел схватить его за руку.

– Стоп, стоп, стоп! – громко сказал Ковалёв. – Давай, дружок, без глупостей! Тебе ведь ещё жить да жить, хоть и с травмами, да и нам лишние проблемы не нужны.

Кун попытался высвободить руку, но больше для приличия – он уже понял, что встрял крепко.

– Чего вы от меня хотите? – спросил капитан нахмурившись.

– Да ты мне нравишься всё больше и больше! – радостно воскликнул Лёха. – Всего второй раз с тобой общаюсь, но каждый раз замечаю, что ты умеешь сразу переходить к делу, без лишних соплей, – комедиант покрепче сжал капитана за руку. – Сам как думаешь, что нам надо?

– Я не знаю, – ответил Кун.

– Не такой уж он умный, как тебе показалось, – вступил в разговор Жаб.

– А может, и так. Видимо, я не очень хорошо разбираюсь в людях, – ответил другу Ковалёв.

Он тяжело вздохнул, мрачно посмотрел на капитана и обратился к нему, тщательно проговаривая каждое слово:

– У нас с тобой есть два варианта. Первый – я начну объяснять тебе, что мы хотим получить назад наши деньги, бессовестно тобой экспроприированные у этого замечательного господина в платье. Ты начнёшь говорить, что денег у

тебя нет. Мы начнём спорить. Потеряем кучу времени, а в итоге я разозлюсь, сломаю тебе руку, и ты после этого вернёшь нам наши деньги вместе с причитающейся нам компенсацией за моральный ущерб.

Лёха сделал паузу, дав Куну время осознать сказанное. Однако капитана не сильно впечатлили слова комедианта – он приготовился слушать продолжение и явно рассчитывал во второй части речи услышать предложение отдать деньги без перелома руки. Но Ковалёв смог удивить капитана грузового шаттла «Принцесса Дандан»: он улыбнулся и довольно дружелюбно сказал:

– Вариант номер два – я сразу ломаю тебе руку, и мы экономим кучу времени.

Кун тоже улыбнулся, не приняв сказанное Лёхой всерьёз. Сочетание в одном человеке весёлого куража стендап-комедианта и суровых навыков профессионального военного часто делало Лёху непредсказуемым.

Не успел Кун переварить вторую часть полученной информации, как бывший штурмовик аккуратным и отточенным движением сломал ему локтевую кость. Капитан закричал от боли, Носок в ужасе отвернулся, Жаб с интересом ожидал продолжения, а Лёха, слегка надавив на руку в сломанном месте, твёрдо сказал:

– А теперь быстро открывай свой сейф! У тебя ведь есть сейф?

– Какой ещё сейф? – наигранно удивился капитан, кривясь от боли.

– Память отшибло? Не проблема, я знаю средство, как её вернуть. Мануальная терапия называется! Надо просто найти на теле нужную точку и воздействовать на неё. Говорят, память восстанавливается на раз!

Ковалёв сильно надавил на сломанную кость, бедняга Кун взвыл и закричал:

– Есть! Есть сейф! Прекратите меня мучить!

– Ой, да ладно! Какие тут мучения? – Лёха отпустил руку капитана. – Радуйся, что ещё легко отделался – лишь сломанной рукой. В трудовом легионе, лёжа по ночам в бараке еле живой после рабочего дня, не в силах даже встать попить, я только и представлял, как буду отрезать кусочки мяса от того, из-за кого я там

застрял. Быстро сейф открывай, пока ноги не переломал!

– Сейчас, сейчас, – испуганно ответил Кун, подскочил к стене и сорвал с неё голографическую картину с видом какой-то красотки в бикини.

За портретом оказалась небольшая дверца с кодовым замком. Капитан быстро ввёл набор цифр, и внутри замка что-то щёлкнуло.

– Дальше я сам, – сказал Лёха и отодвинул Куна в сторону. – А то не хватало ещё, чтобы у тебя там пистолет лежал.

Но внутри встроенного в стену сейфа лежал не пистолет, а куча дебетовых пластиковых карт различных банков, документы и небольшой планшет. Ковалёв достал карточки и выбрал из них все анонимные, коих оказалось большинство. Их Лёха положил себе в карман, персональные же карточки господина Куна он швырнул обратно в сейф. Документы комедиант проигнорировал, а планшет взял в руки и внимательно осмотрел.

– Бухгалтерия? – спросил он капитана. – Чёрная?

– Обычная, – ответил Кун.

– В потайном сейфе? Оригинально. Впрочем, мы всё узнаем, когда залезем внутрь этого планшета. Ты же понимаешь, что мы его экспроприруем?

– Зачем он вам? – капитан интуитивно дёрнулся, пытаясь выхватить у комедианта планшет, но вовремя осознал, к чему это может привести и успокоился. – Оставьте его, там нет ничего ценного для вас.

– Для нас нет, а вот для тебя явно есть, – ответил Ковалёв. – А может, и для кого-то ещё – например, для твоего работодателя. Поэтому планшетик побудет некоторое время у меня. Если за месяц ничего не учудишь и не заявишь на нас в полицию, то я пришлю его тебе по почте. Сюда в порт.

Лёха передал гаджет Жабу, тот аккуратно положил его в сумку.

– Ну что, господа? Я полагаю, наша благородная миссия выполнена, и мы можем покинуть этот гостеприимный корабль, – Ковалёв улыбнулся товарищам, после чего обратился к капитану: – Сейчас мы пойдём, а ты немного полежишь без сознания. А как очнёшься, попытаешься забыть обо всём этом, как о страшном сне. Только одного не забывай – что у меня остался твой замечательный планшетик!

– Почему без сознания? – спросил Кун, которому, судя по всему, из всей Лёхиной фразы больше всего запомнились именно эти слова.

– Потому что сейчас я тебя немножечко отправлю в нокаут, чтобы ты чего дурного не выкинул сгоряча, – пояснил Ковалёв.

Капитан побледнел и пробормотал:

– Нет, не надо, вам не стоит этого делать, не надо...

– А ведь ты прав, бродяга! – согласился с капитаном комедиант, улыбнулся и подмигнул ему. – Мне, действительно, не стоит этого делать! Что я всё о себе, да о себе думаю? Мои друзья не меньше моего настрадались: один в легионе пахал, как лошадь, другой в порту голодал.

Ковалёв неожиданно замолчал, призадумался и добавил:

– Хотя, между нами говоря, они настрадались меньше. Но, тем не менее, я всё равно должен дать им возможность насладиться небольшой местью.

– Я его простил, – тут же на всякий случай сказал Носок, которому очень не хотелось отправлять в нокаут своего бывшего обидчика.

– У тебя большое сердце, Носок! – с определённой долей театральности произнёс Ковалёв. – Когда твоя доброта тебя погубит, я искренне скажу, что мне было приятно тебя знать!

– Не стоит! Я и так буду сидеть тихо! Я... – начал тем временем уговоры капитан Кун, но не договорил.

Сражённый точным ударом ноги амфибоса в висок, капитан грузового шаттла «Принцесса Дандан» обмяк и рухнул на пол.

- Приятно? - спросил Лёха, глядя на Жаба.

- Да нет. Чего приятного-то? - удивился амфибос.

- Ну, а зачем тогда бил?

- Чтобы вырубить.

Ковалёв вздохнул и покачал головой.

- Дал бы лучше тогда мне удовольствие получить. Я бы сам вырубил. Убить этого гада охота, как вспомню этот Трудовой Легион.

- Да тебя не поймёшь, - ответил Жаб. - То бейте, то дайте мне. В следующий раз говори яснее.

Лёха хотел что-то ответить другу, но перехватил недовольный взгляд Носка и переключился на него.

- Не надо на меня так смотреть! - сказал комедиант своему адвокату. - Или забыл уже, как огрёбся да за жрачку работал? Этот Кун - отменнейшая гнида! Я же не издевался над ним, не мучил. Так, небольшая компенсация за причинённые страдания.

- Но вы у него почти все деньги забрали в компенсацию! - Носок решил упорно стоять на позициях гуманизма. - Зачем ещё избивать?

- Есть вещи, которые нельзя измерить деньгами! - философски изрёк Ковалёв.

Комедиант хотел рассказать жителю Лифентра о своих взглядах на месть, жалость и гражданскую позицию, но Жаб не дал ему этого сделать.

– Хватит уже болтать, пойдёмте отсюда! – сказал амфибос, осторожно открыл дверь и выглянул в коридор. – Пока нет никого.

– Да идём, идём, – ответил Лёха. – Но судя по тому, как ты его припечатал, у нас времени часа три.

Ковалёв наклонился к капитану и заботливо расправил ему руку, которая подвернулась под спину во время падения, поймал на себе недоуменные взгляды товарищей и пояснил:

– Чтобы не затекла. Я ж не злыдень какой – заботиться надо о ближних!

Уроженец Лифентра такого поведения своего работодателя не понял и спросил:

– Господин Лёха, если вы такой заботливый, то зачем вы ему руку сломали? Думаете, он так не отдал бы деньги?

– Странный ты, Носок. Я же тебе ещё в порту сказал, что руку ему сломаю. Какие после этого были варианты? Мужик сказал – мужик сделал! Кстати, я тебе ещё не обещал шею свернуть за дурацкие вопросы?

– Нет, не обещали, – испуганно пролепетал гуманоид.

– Странно, – задумчиво произнёс Ковалёв. – Очень странно, учитывая твоё поведение. Кстати, ты как уходить собрался? В штанах, гордо подняв неприкрытую мужскую голову или в платье, застенчиво потупив девичий взор?

Щуплый уроженец Лифентра спохватился, охая, натянул на себя платье и обмотал лицо платком. И уже через несколько минут комедианты и фальшивая девочка благополучно покинули грузовой шаттл «Принцесса Дандан», оставив его капитану сломанную руку, практически пустой сейф и неприятные воспоминания.

А ещё через три часа все они летели на Тропос в грузовом отсеке межпланетного транспортника, удобно расположившись на коробках с какими-то выращенными на Лакфане фруктами, в этот раз очень приятно пахнущими.

Капитан транспортника был прямой противоположностью Куну и за не очень большую сумму согласился подбросить троих незнакомцев до Тропоса, не спрашивая у них имён. Он даже дал им три комплекта старой рабочей униформы, чтобы по прилёте его пассажиры смогли выйти в порт через служебный терминал и там смешаться с толпой. Несмотря на то, что рейс с Лакфана на Тропос считался внутренним и по прибытии документы ни у кого не проверяли, выходить через пассажирский терминал с кучей камер было опасно.

Лёха лежал, удобно расположившись между двумя большими ящиками, и смотрел, как его адвокат что-то записывает в своём походном планшете.

– Всё строчишь и строчишь? – спросил Ковалёв. – Лучше бы новости проверил. Интересно, что говорят на Олосе о гибели нашего друга адвоката, как его там звали?

– Шылоо его звали, господин Лёха, – ответил Носок. – Доступ во все информационные базы отсюда закрыт, стало быть, проверить сейчас ничего нельзя. А я веду дневник. И ещё пишу письма своей любимой Киллоко. Хоть я их и не отправляю, чтобы не ранить её тонкую душу, но не писать не могу.

– Дневник – это хорошо, а письма – ещё лучше, – одобрил комедиант действия адвоката. – Но давай, ты это всё ненадолго отложишь и расскажешь нам с Жабом, что за период гонений был на твоей родине? Если ты не забыл, картины этого периода – единственная зацепка, чтобы поймать негодяя Тида.

– Вы же знаете, семьсот лет назад, ещё до Первой Диктатуры, Лифентр считался центром искусств всего Обитаемого Пространства, – вдохновенно начал рассказывать Носок, а Лёха с Жабом сделали вид, что знают. – Но с приходом Диктатуры все искусства попали под запрет, произведения подлежали уничтожению, а творческие люди – те из них, которые не отказались сменить деятельность – были посажены в трудовые лагеря.

Адвокат прервался, вздохнул и вытер намернувшуюся слезу.

– Очень тяжело говорить об этом мрачном периоде истории нашей планеты, – пояснил он и продолжил рассказ: – Первый Диктатор Копогоз поставил задачу – как можно быстрее превратить Лифентр в индустриальную планету. Развивались производства и науки, а культура и искусство, стало быть,

уничтожались. На всё про всё Копогозу понадобилось семьдесят два года.

– Давай ближе к делу, Носок, – перебил адвоката Ковалёв. – Это всё безумно интересно, но давай ближе к делу. Что за период такой?

– Я вам про него и пытаюсь рассказать, господин Лёха! Не перебивайте! – огрызнулся адвокат. – Как я уже сказал, с момента объявления искусства вне закона и до казни последнего официального подпольного писателя прошло семьдесят два года. Именно этот временной промежуток и называют периодом гонений. Последнего художника, правда, казнили намного раньше, но всё равно окончание периода считают по дате казни последнего писателя.

– Теперь понятно, почему у вас юристом быть почётнее, чем флористом, – сказал Ковалёв.

– Да, – печально произнёс Носок. – Хоть запрет на искусства и отменили уже шестьсот лет как, но люди творческих профессий у нас до сих пор не в почёте – стало быть, юрист престижнее флориста. Горе мне, горе! Бедная моя Киллоко!

– Так! Стоп! Только не заводи свою шарманку! – прикрикнул Лёха на адвоката, встряхнул его за плечи и привёл тем самым бедолагу в чувство, после чего спросил: – Я так понимаю, в этот период ваши художники превзошли себя, раз их картины так дорого ценятся?

– Они так ценятся больше из-за того, что за весь период было написано не так много картин. Их писали тайно и вывозили с планеты под страхом быть пойманными и убитыми. А картины мастеров Лифентра, написанные ими в эмиграции, не считаются истинными картинами периода гонений.

– А в чём смысл рисовать картины, если за них тебя могут убить? – наконец-то вступил в разговор Жаб.

– Затем, что их можно потом не кисло продать, дружище. Хотя даже мне с моей извращённой человеческой логикой такого не понять, учитывая, что за семьдесят два года всех этих художников перебили, – ответил другу Лёха.

– Писателей за семьдесят два, художников намного раньше! – уточнил Носок и с нескрываемой гордостью добавил: – Так или иначе, считается, что это был золотой век художественной школы Лифентра! И, стало быть, любой уважающий себя коллекционер, если ему позволяют средства, просто обязан иметь у себя в коллекции хотя бы одну картину мастеров Лифентра периода гонений!

– Значит, у Джи есть, – тут же сделал вывод Ковалёв. – И, как минимум, штук десять.

После рассказа Носка о тяжёлой доле творческих людей Лифентра некоторое время все сидели молча. Наконец, Лёхе это надоело, и он обратился к товарищу:

– Жаб, друг мой любезный! Ты чего так пригорюнился? Тебя так сильно впечатлила незавидная судьба художников Лифентра?

– Нет, они меня вообще не волнуют, – как обычно, серьёзно ответил на иронию амфибос. – Я всё думаю, зачем мы этому Бронкхорсту нужны?

– Думай – не думай, а пока не поймем его, не узнаем.

– И вот ещё, – Жаб достал из сумки планшет, который Лёха забрал у капитана Куна. – С этим что делать?

– О! Это очень важная вещь! – ответил Ковалёв. – Аккуратнее с ним, не урони! А лучше дай сюда!

Амфибос протянул планшет, Лёха осторожно его взял и протёр от пыли. После чего он крепко ухватил гаджет за края и переломил его об колено. Выбросив обломки в угол грузового отсека, комедиант растянулся на коробках и, зевая, сказал:

– Как пожрать принесут, разбудите!

После чего он повернулся набок, прикрыл рукой глаза и мгновенно уснул.

Глава 5. Возвращение на Тропос

По прибытии на Тропос беглым рабам господина Бронкхорста и их адвокату удалось без проблем и приключений пройти в здание порта через служебный терминал. После чего, натянув на глаза кепки и не поднимая голов в зоне действия камер наблюдения, они прошли в просторное помещение зала ожидания пассажирского терминала.

Само по себе это было не удивительно, так как рейс считался внутренним и коммерческим, поэтому экипаж транспортника не проверялся, а пассажиров на рейсе официально не числилось. Но Лёха с Жабом уже привыкли, что в последнее время с ними постоянно происходят различные нехорошие вещи, и теперь они постоянно и отовсюду ждали неприятностей.

Лишь когда комедианты оказались в центре зала ожидания, Ковалёв, всё ещё не поднимая головы, наконец-то сказал:

– Вроде долетели.

Жаб согласно кивнул и спросил:

– Как будем покидать порт?

– Одну минутку, господа! – вступил в разговор адвокат. – У меня есть замечательный план! Сейчас я получу одно важное подтверждение и озвучу его!

Носок уткнулся в планшет, а Лёха спросил:

– Может, пожрём пока?

– Нет! – Жаб быстро пресёк разговор на опасную тему. – Пожрали уже один раз на Шорке.

– Ты мне теперь это всю жизнь будешь вспоминать? Между прочим, как я уже не раз говорил, на том же Шорке можно было и не убивать троих придурков! И всё могло быть иначе.

– Господа! Не надо ругаться! – Носок попытался предотвратить ссору. – Как будто вы не понимаете, что иначе быть не могло в любом случае уже с самого первого вашего разговора с кальмарами! Стало быть, зачем вы ругаетесь?

– Да не ругаемся мы, а спорим, – примирительно сказал Лёха. – Лучше скажи, что тебе должны подтвердить?

– Уже подтвердили! Только что. Квартиру в районе Площади Жёлтой Звезды. Очень хороший вариант: две спальни, гостиная. И недорого. Я буду спать в гостиной, стало быть, вы можете не беспокоиться, что спален всего две.

– Да не парься ты, я сам могу спать в гостиной. Да хоть в ванной, – решил похвастать своей непритязательностью Ковалёв, но тут же спохватился и быстро добавил: – Ну, или Жаб может. Но раз уж ты сам первый вызвался, то лучше ты спи в гостиной.

– Конечно, – согласился Носок и посмотрел в планшет. – А через две минуты и такси подъедет. Так что через полчаса будем на месте.

– Что-то ты нас прямо завалил хорошими новостями, – сказал на это Лёха. – Только поедешь ты пока один.

– Один? – переспросил адвокат, удивившись.

– Да. Потому как, если выйти из здания мы ещё сможем, не засветив лица на камеры, то при посадке в такси этого не избежать. Если мы не покажем лиц, нас никуда не повезут. Вроде ты должен знать о таких вещах.

– Я знаю, но забыл. И что теперь делать?

– Ты поедешь один и арендуешь машину с автопилотом. Это то же такси, но там тебя сразу отсканируют, как арендатора, а кого ты потом будешь с собой возить – плевать. И ты спокойно вернёшься за нами.

– А почему тогда не арендовать машину в порту? – спросил Носок.

– Потому что если твоё имя всё же пробивают, то тебя сразу схватит полиция. И лучше, если это будет подальше от нас, так как тебя всё равно отпустят после допроса. К тому же тебе всё равно надо в город. Заедешь на квартиру сначала тоже один. Проверь, чтобы была возможность пройти к ней без обязательного сканирования лица. Хотя я уже и не помню дома, где общественные пространства не напичканы камерами и не проверяют личность каждого вошедшего. Но проверь, мало ли – может, там отдельный вход есть. Если возникнут проблемы, то надо искать другую квартиру.

– Искать не проблема, – ответил адвокат. – Лишь бы денег хватило.

Лёха достал из кармана несколько карточек, экспроприированных у Куна, протянул их Носку и сказал:

– Наш друг капитан финансирует.

Адвокат взял карточки, пообещал сделать всё быстро и убежал.

– Как думаешь, есть шанс, что он вернётся? – спросил Ковалёв друга, когда они остались вдвоём.

– Ну, в музей же вернулся, – ответил амфибос.

– Согласен. Пока что у нашего Носочка статистика возвратов-невозвратов пятьдесят на пятьдесят. Ты меня успокоил, дружище. Но, может, всё-таки пожрём? Явно не быстро он это всё провернёт.

– Если хочешь есть, купи в автомате сэндвич! – отрезал Жаб. – Никуда заходить мы не будем!

– Хочу, но не до такой степени. Подожду, пока приедем на квартиру, и закажу туда нормальной еды. Надеюсь, он действительно недолго.

Однако ждать своего адвоката комедиантам пришлось около четырёх часов, и за это время Лёхе всё же пришлось прогуляться к автомату за напитками. В основном же друзья всё это время просидели на диванчике в углу зада ожидания.

Когда Носок вернулся, Ковалёв ещё издали заметил, что уроженец Лифентра идёт с улыбкой во весь рот и едва ли не подпрыгивает от радости.

- Судя по его довольной морде, - сказал Лёха Жабу, - он или не облажался, или облажался не сильно.

Носок же, подойдя к своим работодателям и поймав их вопросительные взгляды, тут же объявил:

- Были проблемы, но сейчас всё хорошо!

- Что за проблемы? - уточнил Жаб.

- Господин Лёха оказался прав: не так-то просто найти квартиру в аренду, чтобы туда можно было пройти, не засветив лицо на камеры. Поэтому мне пришлось арендовать дом. Вышло не очень экономично, но других вариантов не было. А так как вы явно не могли сидеть здесь до завтра, то пришлось брать чуть ли не самый первый подходящий вариант.

- Меня радует, что ты умеешь делать такие выводы, - похвалил адвоката Лёха. - Дом с бассейном?

- К сожалению, да, - со вздохом ответил Носок.

- Почему к сожалению? - удивился Ковалёв.

- Потому что дорого вышло. Но вариантов, как я уже сказал, не было. Чтобы нигде не засветить ваши лица, пришлось снимать одиноко стоящий особняк в престижном районе. Только у таких домов есть подземный гараж и, стало быть, возможность заехать в него на машине через ворота. Но с другой стороны, это просто отличный вариант. Вас можно будет туда привозить и увозить совершенно незаметно.

- Это важный момент, - согласился Жаб.

- А насчёт денег не парься, - добавил Лёха улыбувшись. - Капитан Кун оплачивает. Надолго арендовал?

- И дом, и машину на неделю. Потом можно будет продлить.

- Да ты оптимист! Ладно, пойдёмте уже, есть охота.

До особняка доехали минут за сорок. По пути Лёха заставил Носка заказать к их приезду ужин из ближайшего к дому ресторана.

Когда такси въехало во двор, ворота закрылись, и комедианты покинули салон, Ковалёв, увидев дом, аж присвистнул. Особняк был роскошен: два этажа, дорогая отделка и немалая территория с газоном и зоной барбекю. А после того как вошли внутрь, впечатление лишь усилилось.

- Похоже, Носок, тебе расхотелось спать в гостиной, раз ты арендовал такой дворец, - произнёс Лёха, разглядывая холл первого этажа.

- Я ведь объяснил, господин Лёха, что это был самый экономичный вариант, - начал оправдываться адвокат. - Если вы считаете, что эти траты чрезмерные, я потом возьму часть расходов. Когда у меня будет такая возможность.

- Вроде я тебе уже говорил, что Кун платит. Ты лучше вместо оправданий доставай телефон! Давай-ка мы созвонимся с Джией, пока ужин не привезли. У тебя её номер остался в аппарате?

Носок кивнул и достал телефон.

- Тогда набирай!

- Что ей сказать?

- Поздоровайся!

- А ещё что?

- А ещё всё, - ответил Лёха. - Потом передашь мне телефон, я сам поговорю.

- Понял.

Адвокат быстро выудил из памяти устройства нужный номер и почти отправил запрос на соединение, но его остановил Жаб.

- погоди! - сказал амфибос. - Не нравится мне эта идея - звонить ей.

- Думаешь, телефон Носка или Джии на прослушке? - спросил Ковалёв. - Вряд ли кто-то стал бы прослушивать дочь самого Тонга, а вот насчёт нашего друга соглашусь, тут есть определённый риск, да.

- Я думаю, очень странно, что нотариуса убили сразу же после нашего визита. Будто кто-то заранее сообщил Бронкхорсту о нём. А ведь никто, кроме нас и твоей жены, об этой встрече не знал.

- Думаешь, это Джия сообщила? А ничего, что кальмар нам рассказал про то, как нотариус звонил Бронкхорсту?

- Но ты же сам видел по новостям: его убили сразу после нашего визита. Как бы Бронкхорст успел что-то организовать?

- Как вариант: его люди были в охране Джаапа, - предположил Ковалёв.

- Те два тьюфяка? Думаешь, они способны на такое? Ты же видел фотографии убитого нотариуса - там работали профессионалы. Причём всё оформили, будто его сначала долго пытали и издевались над ним. Не думаю, что два охранника могли так сработать. Явно кто-то приехал и всё это сделал. И это всё было возможно лишь при одном условии: Бронкхорста известили заранее.

- Я не могу ничего отрицать, но точно знаю: Джия нас подставить не могла.

- Ты ей так сильно доверяешь?

- Доверяю. Но главное - не это.

- А что? - не унимался амфибос.

- То, что я знаю, как Джия любит наших детей.

– Не вижу связи.

– Ты забыл, что я должен был в тот вечер прийти к ней в гости, и Венлинг меня очень ждала? Джия не стала бы обещать дочери эту встречу, зная, что я могу на неё не прийти.

– Простите, господин Лёха, – включился в разговор Носок. – Но ведь это вы со слов жены решили, что она обещала дочери встречу. На самом деле всё может быть не так.

Ковалёв молча достал из кармана сложенный вчетверо лист бумаги и протянул адвокату.

– Что это? – спросил Носок.

– Читай! Вслух!

Адвокат взял лист развернул его и начал читать:

– Здравствуй, папа! Мама сказала, что сегодня ты придёшь к нам в гости. Я очень рада... – адвокат прервал чтение и спросил: – Что это, господин Лёха?

– Это письмо моей дочери, которое она написала после того, как Джия сообщила, что я приду на ужин, – ответил Ковалёв, забирая лист. – Теперь вы оба можете представить, как моя девочка расстроилась, когда папа опять её подвёл. Как я уже сказал, Джия больше всего на свете любит наших детей. Если бы она была в теме, то просто не сказала бы ничего дочери или назначила наш визит к Джаапу после моей встречи с Венлинг.

– Звучит логично, – сказал Жаб. – Звони, Носок!

Адвокат быстро отправил запрос на соединение и приложил трубку к уху. Через некоторое время он грустно сообщил:

– Номер не отвечает.

– Набери ещё раз этот же номер, а в конце добавь код двадцать пять сто сорок восемь! – сказал Лёха.

Носок выполнил всё, как было велено, и поставил телефон на громкую связь. Примерно через двадцать секунд послышался недовольный голос Джии:

– Что это ещё за Носок? Ты кто такой, вообще? И откуда ты знаешь мой код обязательного соединения?

– Джия, это я ему код сказал! Привет! – ответил вместо адвоката Лёха.

– Ковалёв? – голос бывшей супруги выразил искреннее удивление. – Ах да, вспомнила, этот клоун... Носок... он твой друг или адвокат. Ковалёв, ты где? Что с тобой? Что, вообще, происходит?

– Джия, долго рассказывать. Сейчас скажу лишь, что вся эта история, которая произошла со мной, случилась не из-за того, что я неудачник, а потому что меня подставили.

– Ковалёв, одно другому не мешает, а очень даже дополняет, что тобой было доказано уже не раз.

Бывшая супруга была остра на язык – под стать Лёхе.

– Да, да, да, – согласился Ковалёв. – Я неудачник и идиот, но давай об этом в другой раз поговорим. При встрече.

– При какой встрече? Ты всё ещё собираешься к Ивану? У меня для тебя плохая новость: ты в розыске. Не думаю, что приходить на выпускной в этой ситуации – хорошая идея. Не хватало ещё, чтобы тебя арестовали на глазах у сына и его друзей.

– Ну, ясное дело – я туда не пойду, – Лёха начал злиться. – То есть, в той ситуации, что сейчас сложилась, не пойду. Но у меня есть все шансы её исправить и прийти к Ивану. Если ты мне немного поможешь.

– Очередной мелкий шантаж?

– Да никакой это не шантаж! Просто мы не убивали этого нотариуса – нас подставили! И я хочу, чтобы ты мне поверила и помогла найти настоящих убийц!

– Я знаю, что вы не убивали нотариуса, – совершенно спокойно сказала Джия.

– Спасибо, что веришь мне.

Лёхе было приятно услышать от бывшей жены, что она не допускает возможности убийства им несчастного нотариуса. Однако обрадовался он напрасно.

– Ковалёв, я тебе давно не верю. Я знаю, что вы его не убивали, – Джия сделала интонационное ударение на слове «знаю».

– Откуда?

– До свидания, Ковалёв! Береги себя и не вздумай приходить к Ивану, пока ты в розыске!

– погоди! – Лёха закричал так громко, что Носок чуть не выронил телефон из рук. – Не обрывай связь!

Возникла пауза, и лишь по тому, что на экране не появился значок окончания разговора, Лёха понимал: его бывшая жена ещё на линии. И он снова обратился к ней с просьбой:

– Джия, мне необходимо с тобой встретиться! Мне очень нужна твоя помощь. Пожалуйста, удели мне всего лишь пять минут!

Бывшая супруга молчала.

– Прошу тебя! Мне на колени, что ли, встать?

– Какой в этом смысл, если я не увижу? – ответила Джия.

– Ну, если для тебя это так важно, можем включить видеосвязь, – ответил Лёха, радуясь, что бывшая жена опять пошла на контакт.

– Хорошо, через полтора часа там же, где в прошлый раз.

– Я не могу там же. Мне сейчас нельзя появляться в местах, где осуществляется сканирование лиц. Давай встретимся на улице.

– На улице? – переспросила Джия с удивлением в голосе.

– Да. И желательно там, где много народа. Ты можешь подъехать на Площадь Жёлтой Звезды? Там со стороны Монумента Основателям Федерации всегда много туристов – мы растворимся в толпе и поговорим.

– Ковалёв, ты хочешь, чтобы я полезла в толпу?

– Хорошо, в толпу не полезем. Давай встретимся в парке между площадью и старым зданием парламента? Там народа не так много. Устроит?

Некоторое время бывшая супруга молчала, потом ответила:

– Ладно, давай у монумента. Ещё не хватало в парке не найти друг друга. Через полтора часа буду, а ты попробуй меня хоть раз удивить и не опоздать.

– Попробовать не опоздать обещаю. А вот не опоздать – уже сложнее, – пошутил под конец разговора Лёха и, как оказалось, не совсем удачно.

– Попробую приехать, – ответила на это Джия, и на экране телефона появился значок разрыва соединения.

Ковалёв вздохнул и словно оправдываясь, сказал Жабу и Носку:

– Раньше у неё был другой характер – более покладистый.

– Лёха, а тебе не кажется подозрительной такая информированность твоей жены? Откуда она знает, что мы не убивали нотариуса? – спросил амфибос,

которого меньше всего волновал характер Джи.

- Ты опять за своё? Нет, не кажется!

- Но это всё очень странно, - продолжил рассуждать Жаб. - Сначала она нас вытаскивает с Шорка на Тропос. Я до сих пор не могу поверить, что это всё было сделано только ради того, чтобы ты мог попасть на выпускной. Ты уж не обижайся. Потом твоя жена помогает организовать встречу, после которой нас серьёзно подставляют, а сейчас она говорит, что знает о нашей невинности. Откуда ей это знать?

- Господин Лёха! - влез в разговор Носок. - Вы не можете отрицать, что сомнения вашего друга не беспочвенны! Вот вы своей бывшей супруге доверяете, а она вам - нет! Она сама об этом сказала! Вам не кажется...

- Нет! - перебил Ковалёв адвоката, даже не дослушав до конца его фразу. - Не кажется! При этом я понимаю ваши опасения, но какие у нас есть ещё варианты? Я могу сейчас перезвонить Джие и отменить встречу, но у вас есть план Б?

- У нас и плана А толком нет, - грустно сказал Жаб.

- Вот и я про то же! Поэтому хватит паниковать! Сейчас я поеду к Джие, а вы сидите здесь и надейтесь, что я не ошибся!

- Не самый лучший план - просто надеяться, что ты не ошибся, - пробурчал Жаб. - Но признаю: другого нет.

- И вы не можете ехать один, - сказал Носок. - Такси арендовал я, поэтому тоже должен ехать. Конечно, я могу дать команду отвезти вас, но тогда вам придётся пройти процедуру идентификации. А так такси опознает меня, а пассажиров пустит под мою ответственность.

- Тогда мы с тобой поедem, а Жаб останется здесь и будет надеяться, что я не ошибся, - подкорректировал Лёха план.

- Через минуту ужин привезут, - робко сказал Носок. - Может, быстро поужинаем? Я слышал, что вы обещали не опаздывать, но до площади нам ехать

минут двадцать, не больше.

– Хорошо, – согласился Лёха. – Давайте перекусим.

Через час и двадцать минут Ковалёв стоял на Площади Жёлтой Звезды возле Монумена Основателям Федерации Тропос и с интересом разглядывал, как нелепые суесящиеся туристы пытаются сфотографировать себя на его фоне. То ли монумент не влезал в кадр целиком, то ли туристам не нравился ракурс, но они очень громко галдели и бегали, размахивая конечностями.

Небольшие инсектоиды, говорившие на каком-то незнакомом Лёхе наречии, скорее всего, прибыли на Тропос из-за пределов Обитаемого Пространства и явно очень хотели, чтобы путь с их родины до монумента был проделан не зря. Поэтому они фотографировались не переставая.

Лёха начал прикидывать, откуда эти ребята могли прилететь, и не видел ли он где-нибудь таких, как они, раньше, но отвлёкся на быстро идущего к нему высокого крепкого мужчину в чёрном костюме и очках.

Незнакомец подошёл к комедианту и обратился к нему без какого-либо приветствия:

– Господин Ковалёв?

– Мой ответ будет зависеть от того, кто кому должен денег, – сказал Лёха. – Вы Ковалёву или он вам.

Мужчина в костюме никак не отреагировал на эту шутку, но, похоже, понял: перед ним тот, кто ему нужен.

– Господин Ковалёв, пройдёмте со мной! – произнёс незнакомец тоном, не допускающим возражений.

Глава 6. «Неотвратимость естественного»

Незнакомец указал на роскошный чёрный лимузин, припаркованный в пятидесяти метрах от площади, и добавил:

– Вас ожидают.

Перед Лёхой встал непростой выбор: что делать – немедленно уходить или рискнуть? Ковалёв быстро прокрутил в голове оба варианта. Если это ловушка, то стоило уйти и попытаться скрыться. Вряд ли незнакомец в костюме попытается его преследовать. Впрочем, если за всем этим стоит Джия, она хорошо знает бывшего мужа. Знает, что он ей доверяет и не станет убегать, а сядет в машину.

Поэтому с большой долей вероятности можно было предположить, что вариант насильственной погрузки Лёхи в лимузин не рассматривался. Слишком много народа было вокруг, да ещё и камеры. Впрочем, при желании было возможно всё. Вырубить электрошокером даже бывшего штурмовика не составляло труда, после чего его можно было спокойно перетащить в машину.

Записи с многочисленных камер тоже не должны были испугать такого человека, как Бронкхорст. Как уже не раз убеждались комедианты, возможности их формального хозяина и его связи были явно выше уровня, необходимого для решения такой мелкой проблемы, как ликвидация компрометирующих записей из архива.

Ковалёв инстинктивно отошёл от незнакомца на расстояние двух метров, при этом понимая, что толку от подобного манёвра не много – иглы электрошокера могли и с десяти метров пробить одежду.

– Вас ожидают, – повторил мужчина, не скрывая удивления таким поведением Лёхи.

Комедиант продолжил мысленно прокручивать варианты. Можно было рискнуть, подойти к машине и с расстояния проверить, находится ли в ней бывшая супруга. Но что бы это дало? Возможно, таков был план: увидев Джию, Лёха теряет бдительность, садится в лимузин и получает-таки полагающийся удар электрошокером. И очень уж ему не хотелось такого варианта.

Но при этом Ковалёв понимал: если он ошибается, то не сев в машину, обрубают последнюю ниточку, ведущую его к Тиду, а соответственно – и к Бронкхорсту.

«Придётся рискнуть, – подумал Лёха. – Если уж и мать моих детей заодно с теми, кто хочет меня поймать, то терять мне в этой жизни уже особо и нечего».

Однако проверить наличие Джии в машине не мешало, поэтому Ковалёв обратился к незнакомцу:

– Ты дверцу сначала открой – я хочу глянуть, кто там внутри сидит.

Мужчина в чёрном костюме одарил Лёху ещё одним недоумевающим взглядом и отправился к машине. Подойдя к ней, открыл переднюю пассажирскую дверцу и что-то сказал находящимся внутри. Почти сразу же опустилось стекло задней дверцы, и в проёме появилось недовольное лицо Джии. Очень недовольное.

Ковалёв улыбнулся – можно было смело идти и садиться в машину. Он всё же неплохо знал бывшую жену, и такое её недовольство могло быть вызвано лишь одним: она приехала ради него, а он посмел ставить условия. Если бы она помогала Бронкхорсту, то, как минимум, состроила бы нейтральную мину или даже смогла выдавить из себя улыбку.

Однако полной уверенности не было, и Лёха отправился к лимузину с неприятным ощущением, что идёт в ловушку. Подойдя к машине, он остановился, мужчина в костюме открыл заднюю дверь, и беглый раб господина Бронкхорста сел в лимузин.

– Ковалёв, что за цирк? – прошипела недовольная Джия.

– Тебе что, трудно было в окно высунуться? – ответил Лёха. – Знаешь же, что я в бегах. Учитывая, что мы с тобой договаривались прогуляться в парке, я должен был проверить, кто здесь.

– По паркам я с тобой в своё время достаточно нагулялась, хватит с меня.

– Джия, ты так говоришь, будто это было плохо.

– Ковалёв! Ты приехал обсуждать наши прошлые прогулки в парках? Мы могли это сделать по телефону.

– Нет, я приехал попросить у тебя помощи. Но сначала хотелось бы узнать, почему ты решила, что мы не убивали Джаапа?

– Потому что он мне звонил.

– Он? Тебе? – от такого неожиданного известия Лёха немного растерялся. – Когда?

– Он, – ответила Джия. – Мне. Точнее, моему помощнику. Примерно минут через сорок после того, как вы его якобы убили.

– А откуда ты знаешь точное время «якобы убийства»? Отец пробил у полицейских?

– Ковалёв, не тупи! К журналистам попали записи с камер наблюдения, как вы покидаете бизнес-центр. Там время стоит в углу. По логике, если убили его вы, то должны были сделать это раньше, чем вышли. Но через сорок минут после вашего ухода он позвонил моему помощнику – значит, был жив. Потому что, даже если бы вы его ранили, то судя по фотографиям, с такими ранениями он бы так долго не протянул.

– Что он сказал?

– Ничего. Спросил лишь, как ему можно поговорить со мной, но сразу же отвлёкся и попросил подождать, а потом связь оборвалась.

– Видимо, в этот момент его и грохнули, – предположил Лёха.

– Возможно, – согласилась Джия. – А теперь давай ближе к делу. У меня мало времени.

– Погоди! А полицейские тебе звонили?

– С чего они должны были мне звонить?

– Ну, они явно пробили все разговоры убитого.

– Ковалёв, если ты в ситуации, когда надо организовать тайную встречу, звонил бы со своего телефона, то мой помощник звонил с рабочего аппарата и служебного аккаунта. И на него же перезванивал нотариус. Да, полицейские звонили помощнику. Он сказал, что разговаривал с Джаапом по поводу планируемой сделки. И как я заметила, никто особо не занимается этим расследованием – все уверены, что виновны вы. Надеюсь, больше у тебя вопросов нет, и мы можем перейти к делу?

– Можем, – ответил Лёха и вкратце рассказал бывшей супруге всё, что с ним произошло и всё, что узнал от адвоката Шылоо, добавив в конце: – К сожалению, запись этого допроса нам сделать не дали. Сама понимаешь, начальник тюрьмы не разрешил бы вынести доказательства такого беспредела на вверенной ему территории.

– Допустим, я тебе верю, – сказала на всё это Джия. – Что тебе нужно от меня?

– Одна маленькая помощь, совсем небольшая. Тебе особо и делать-то ничего не нужно будет.

– С тобой, Ковалёв, к сожалению, так не получается. С тобой, если уж ввязываешься куда, то встречаешь по полной, – сказала Джия, которая очень хорошо знала бывшего мужа. – Что тебе надо?

– У тебя есть картины художников Лифентра периода гонений?

– Разумеется.

– Я так и думал. Очень нужно, чтобы ты одолжила мне одну из них на несколько дней, максимум на неделю. Обещаю, что с ней ничего не случится, – Лёха посмотрел на бывшую жену таким невинным взглядом, будто просил одолжить ему на полчаса кухонный комбайн или фен.

– Ковалёв! – от такой неожиданной просьбы Джия невольно повысила голос. – Ты с ума сошёл? Дать тебе на неделю картину мастеров Лифентра периода гонений? Тебе рекламный плакат доверить нельзя – или порвёшь, или

потеряешь. Ты хоть представляешь, сколько такая картина стоит?

- Представляю. Очень хорошо представляю, но это единственный вариант поймать Тида.

Джия ничего на это не сказала, но её взгляд был настолько красноречив, что Лёха поспешил как можно скорее пояснить детали:

- Мы хотим поймать Тида на живца. Это единственная возможность. Он ярый коллекционер и сходит с ума по картинам периода гонений. Где его ещё искать, мы не знаем. Поэтому только на живца. Иначе никак. Считаю, нам и так сильно повезло, что он равнодушен к этим картинам.

- К ним равнодушны почти все истинные коллекционеры. Но ты понимаешь, что картина - не сто юаней, чтобы вот так просто взять её и одолжить?

- Догадываюсь. Потому и рассказал всю предысторию.

- А что вы хотите с ней сделать? Как собираетесь этого Тида на картину ловить?

- Выставить на аукцион в надежде, что он там объявится ради неё, - признался Лёха.

- Ковалёв, ты всё же действительно сошёл с ума! - в этот раз Джия от переизбытка эмоций аж вскрикнула. - Ты хочешь продать мою картину?

- Нет, конечно! Только выставить. Мы снимем её с аукциона за сутки до начала. Думаю, если он такой одержимый, то свяжется с нами и попытается заполучить эту картину любой ценой.

- Не скажу, что план гениальный.

- Какой есть, других не придумали. И чтобы он сработал, картина должна быть действительно стоящая.

Бывшая супруга призадумалась на долгие пять минут, в течение которых Лёха уже начал прикидывать, что им с Жабом предпринимать в случае отказа. Однако

ему повезло.

- Хорошо, - сказала, наконец, Джия. - Допустим, я дам вам картину. Но как вы её выставите? Вы же в бегах.

- Её Носок выставит. Ясное дело, мы сами на аукцион не полезем. И говорю тебе, не переживай! Ничего с ней не случится.

- Конечно, не случится, - усмехнулась Джия. - Потому что я тебе её не доверю.

- Издеваешься, что ли? - теперь голос повысил уже Лёха. - Зачем тогда все эти расспросы, если помочь не хочешь?

- Я не сказала, что не хочу помочь! - резко ответила Джия. - Я сказала, что не доверю тебе картину! Я тебе вообще не доверю ничего ценнее зонтика! Но твою проблему можно решить и без необходимости давать тебе картину!

- Это как? - удивился Лёха, проигнорировав очередное оскорбление.

- Это так! - передразнила его Джия. - Учитывая, что многие предметы искусства на аукционе стоят огромных денег, и часто коллекционеры предпочитают не афишировать свои имена, правила допускают возможность выставить картину инкогнито. Никаких документов на неё при этом не требуется. Принцип прост: продавец подаёт заявку, после её утверждения в течение трёх дней он обязан либо пригласить группу специалистов к месту хранения картины для проведения экспертизы и оценки, либо сам доставить картину экспертам.

- Куда доставить?

- На аукцион. Куда же ещё? После проведения экспертизы картина либо остаётся там на хранении, либо её можно забрать, но тогда перед передачей её покупателю придётся провести ещё одну экспертизу. А повторная, в отличие от первой, стоит немалых денег, поэтому большинство продавцов лоты оставляют. Но парень твой по легенде будет человеком обеспеченным, да и стоимость картины не маленькая, поэтому забрать её назад домой - вполне логичный поступок.

– Вроде я тебя понял, – сказал Лёха.

– Ты сегодня на удивление понятливый, Ковалёв, хотя сначала в это было трудно поверить.

Джия усмехнулась. Возможно, она была единственной на всё Обитаемое Пространство, кто мог позволить себе допускать колкости в адрес Лёхи, не рискуя получить симметричный ответ. И она пользовалась этим на всю катушку.

– Твой Носок выставит картину, – продолжила Джия. – Аукцион назначит день и время экспертизы. Моя служба безопасности привезёт туда полотно. Могут сами, могут по пути заехать за твоим другом. Картина пройдёт экспертизу и вернётся домой. В любом случае, повторная нам не понадобится. Ведь, насколько я поняла, непосредственно до аукциона ты дело доводить не собирался?

– Безусловно. Не могу же я какому-то гадёнышу твою картину продать. А за Носком лучше заехать, пусть он там засветится.

– Хорошо, заедут.

– И ты мне ещё скажи, что хоть за картина будет? Как называется? Носок пока информацию по ней соберёт.

– «Неотвратимость естественного» кисти Кармога. Если этот ваш парень, на которого вы охотитесь – настоящий коллекционер, то мимо этого полотна он не пройдёт.

– Очень на это надеюсь. А сколько она примерно стоит? Нам же надо будет какую-то цену заявлять.

– Аукцион вам порекомендует примерный ценовой диапазон. Но на стартовую цену меньше двадцати миллионов не соглашайтесь, иначе это будет подозрительно. Хотя я бы и за сорок не продала.

– Двадцать миллионов? Ни хрена себе! – не сдержался Лёха и тут же об этом пожалел – ему опять показалось, что Джия посмотрела на него как на нищего, и он быстро сменил тему: – А почему именно её будем выставлять?

Ты сказала, Тид точно мимо неё не пройдёт – что в ней такого особенного?

– Особенное в ней то, что её нельзя отследить. И если вы хотите сыграть свой спектакль без сбоев, то вам нужна именно такая картина! Я хоть и не афиширую своё хобби, но почти все картины покупала официально. А эту мне подарил папа. Он купил её у какого-то чиновника, который владел ею тайно. Выставив её, твой Носок точно не вызовет подозрений.

– Спасибо, Джия!

– Не за что. Ты понимаешь, ради кого я это всё делаю. И ещё важный момент – одень своего Носка прилично. Если он придёт на аукцион в таком виде, как был в суде, у него не то что картину не примут на торги – его на порог не пустят.

– Здесь можешь не беспокоиться, я лично проконтролирую.

– Это ты зря сказал – теперь я уверена, что с аукциона его выгонят, – Джия вздохнула и призадумалась, она что-то прикидывала в голове, затем сказала: – Завтра утром, Ковалёв, я пришлю к вам своего стилиста. Он свозит твоего заморыша к себе в салон и оденет его, как полагается.

Лёху такая идея не очень обрадовала.

– Спасибо, конечно, – поблагодарил он бывшую супругу. – Но мне не хочется тебя совсем уж напрягать. Я и так тебе уже обязан настолько, что, боюсь, за всю жизнь не рассчитаюсь.

– Не волнуйся, – Джия неверно расценила Лёхино беспокойство. – Я всё оплачу.

Ковалёву очень захотелось сказать что-нибудь едкое и объяснить бывшей жене, что уж на костюм для адвоката у него деньги есть, но находящийся в бегах комедиант понимал: в их отношениях это особо ничего не изменит, поэтому не стал тратить время на ненужные объяснения.

– И ещё! – добавила Джия. – С твоим Носком... Кстати, за что ты ему такое прозвище дал?

– Это у него имя такое.

– Надо же, как повезло. Так вот, с ним свяжется мой консультант по антиквариату и всё подробно объяснит: про саму картину, про то, как её выставлять, как о ней, вообще, говорить надо, какими словами. А то ещё аукционщики решат, что Носок твой её украл, если он там растеряется.

Лёха лишь благодарно кивнул – разговаривать он уже устал. Его и так уже довольно сильно удручало, что бывшая жена ему так помогает, ведь он понимал: даже сотой доли этой помощи от неё он не заслужил. Джия тоже это понимала и потому на прощание ещё раз одной фразой одновременно и пояснила мотив своего желания помогать, и лишний раз поддела Лёху:

– Я очень надеюсь, что до Ваниного выпуска ты решишь все свои проблемы, и мне не придётся выпрашивать у твоего хозяина разрешение взять тебя на выпускной к нашему сыну.

И в этот раз Ковалёв молча проглотил оскорбление, а лишь спросил:

– Как Венлинг? Она сильно расстроилась, что я тогда не пришёл?

– Сам как думаешь?

– Думаю, сильно. Передай ей привет и скажи, что я обязательно скоро приду.

– Привета будет достаточно, – отрезала Джия.

Ковалёв вздохнул и покинул лимузин. Некоторое время он стоял на площади, глядя, как роскошная машина увозит его бывшую жену – когда-то самого любимого и дорогого для него человека.

После разговора с Джией настроение у Лёхи испортилось настолько, что по возвращении домой ему хотелось только одного – взять банку пива и сесть в кресло перед инфовизором в надежде отвлечься на какую-нибудь спортивную трансляцию. Но Жаб с Носком ждали информации, поэтому для начала пришлось им вкратце пересказать разговор в лимузине и обрисовать планы на ближайшие дни.

– Интересно, что это за картина такая, – сказал Носок и полез через инфовизор в информационную сеть, чтобы удовлетворить своё любопытство.

Пока адвокат возился с инфовизором, Лёха обратился к Жабу:

– Я так понимаю, у вас здесь всё без происшествий прошло, пока меня не было?

– Да, без происшествий, – ответил амфибос. – Мне всё больше кажется, что нам удалось здесь поселиться незаметно. И ещё я на всякий случай отключил этот дом от всех систем видеонаблюдения.

– Много было?

– Стандартно для таких домов – две. Городская – с выводом на полицейский участок и дополнительная – от охранного агентства. Но камеры использовались одни и те же для обеих систем.

– А ты уверен, что смог это всё действительно отключить? Не замечал раньше у тебя склонности к решению сложных инженерных вопросов.

– Ты прав. Такой склонностью я не обладаю. Я не инженер, а разведчик, – ответил Жаб. – Но там не было ничего сложного. Я обесточил все камеры и перерезал провода, передающие сигнал. Ну и объективы заклеил, чтобы уж наверняка.

– Дёшево и сердито, но зато невероятно эффективно! – усмехнулся Лёха. – Надеюсь, ты все камеры нашёл.

– В таком доме не может быть скрытых. Это запрещено. Он же в аренду сдаётся. Но я всё равно проверил на всякий случай. Ничего не нашёл.

– Молодец! Что тут ещё можно сказать?

– Господа! Вот она! Смотрите! – закричал Носок, прерывая разговор комедиантов. – Признаюсь, впечатляет!

Лёха с Жабом повернулись к инфовизору – весь его большой экран занимало изображение полотна Кармога, одного из самых известных живописцев Лифентра, творившего в так называемый период гонений – эпоху правления диктатора Копогоза, известного своим неприятием всего, в чём он не разбирался, и в первую очередь искусства.

На картине «Неотвратимость естественного» был изображён гигантский морской краб кровавого алого цвета, вылезший из пучины и взобравшийся на спину синего горбатого кита. Краб пожирал прячущийся в океане за линией горизонта Зиолун – главную звезду галактики № 15-M-99. Вокруг Зиолуна были расположены девяносто девять процентов известных обитаемых планет вышеуказанной галактики, он был центром Обитаемого Пространства, и, естественно, во многих культурах это светило выполняло роль ключевого символа жизненной силы и могущества.

Изображённый на картине краб более чем наполовину проглотил Зиолун, но лучи последнего потихоньку пробивались сквозь панцирь членистоногого монстра, оставляя тем самым надежду на то, что ещё не всё потеряно, и светило не исчезнет навсегда в утробе краба, а со временем разорвёт его изнутри.

Лёха в своём восприятии изобразительного искусства мастеров Лифентра ушёл недалеко от диктатора Копогоза и никак не мог понять, что же такого в этой картине, ради чего некоторые сумасшедшие коллекционеры готовы выложить за неё десятки миллионов юаней.

Сначала бывший штурмовик честно пытался разобраться, что же имел в виду автор, создавая этот шедевр, и что, по мнению Кармога, являлось тем самым естественным. Что всегда найдётся какой-нибудь урод, который рано или поздно попытается сожрать самое дорогое и светлое? Или что, какой бы безвыходной ни казалась ситуация, силы света всегда прорвутся наружу, и добро победит зло? Или что, когда какой-нибудь гад решит сожрать самое важное и ценное, всегда найдётся придурок, подставивший ему для этого свой горб?

Вариантов была масса, поэтому комедиант решил не заморачиваться и принял их все. Но даже это не могло оправдать в Лёхиных глазах дикую стоимость картины; к тому же, на его взгляд, краб был какой-то нелепый. Можно было и пострашнее нарисовать, коль уж речь шла о том, чтобы сожрать Зиолун.

Ковалёв решил, что к прекрасному в этот день он приобщился достаточно, достал из холодильника пиво и бургер и перенастроил инфовизор на спортивный канал. Лёха отхлебнул пенного напитка прямо из банки, с удовлетворением посмотрел на булочку, напоминавшую формой и цветом Зиолун, представил себя крабом и принялся поглощать бургер – естественно и необратимо.

Глава 7. Один миллион юаней

Следующее утро началось с того, что за Носком заехал стилист Джии, и они отправились заниматься превращением скромного адвоката в богатого коллекционера живописи.

Оставшись вдвоём, комедианты позавтракали, после чего амфибос спросил товарища:

– Какие у нас планы на сегодня?

– В зоопарк хотел сходить, покормить крабов булочками, чтобы они не вздумали Зиолун сожрать, – ответил Лёха. – Но думаю, что лучше покопаться в сети и поискать информацию про Тида и Бронкхорста.

– Да, это будет лучше, – согласился Жаб. – Ищем до обеда, а потом сверим, кто что раскопал.

– На одном инфовизоре одновременно ищем? – усмехнулся Ковалёв.

– Я у Носка забрал его планшет на сегодня.

– Грамотный поступок, дружище! Я смотрю, почти двадцать лет в разведке тебя научили не только шеи ломать.

– Очень многому научили, – серьёзно ответил амфибос, не поняв «подколки».

Жаб достал из холодильника банку клюквенного сока и ушёл в свою спальню, а Лёха активировал инфовизор. На нём искать информацию было менее удобно, чем на планшете, но зато при рассматривании фотографий и видеозаписей можно было разглядеть даже самые маленькие детали.

Уже через час сёрфинга в сети Ковалёв с удивлением обнаружил, что информации о Бронкхорсте было очень мало, а о Тиде не было вовсе. А всё, что Лёхе удалось найти по его номинальному хозяину, было настолько неинформативным, что как-то использовать это для поиска было просто невозможно. Комедиант честно исследовал все закоулки информационной сети, вводя различные запросы, иногда лишь косвенно относящиеся к Бронкхорсту, но результат был всё тем же – незначительная информация без каких-либо подробностей.

Ближе к обеду вернулся Жаб.

– Ну как? Удалось нарыть хоть что-то? – с надеждой спросил Ковалёв друга.

– На Бронкхорста очень мало информации, а Тида будто вообще не существует, – ответил амфибос, вздыхая и усаживаясь в кресло. – Мне уже кажется, что Тид – не настоящая фамилия.

– Не исключено, – согласился Лёха. – А что по Бронкхорсту в итоге?

– Да ничего такого, за что можно хоть как-то зацепиться. Крупный промышленник, землевладелец. Есть информация о некоторых приобретениях, сделках. Но в основном всё, что есть в сети, связано с нами и последними событиями. Ни внятной биографии его не нашёл, ни даже места рождения. Вся информация, что имеется, не старше двух лет.

– У меня такой же результат, – сказал Ковалёв. – Правда, биографию я раскопал, но там настолько всё коротко и в общих фразах, что, кажется, она подойдёт каждому третьему жителю Тропоса.

– Лёха, а тебе не кажется, что это не биография, а легенда?

– Кажется. Слишком уж всё причёсано и прилизано: никаких сплетен, слухов и компрометирующей информации.

– И я не удивлюсь, – предположил Жаб. – Если ещё несколько лет назад он был совсем не Бронкхорстом.

– Или Бронкхорстом, но был засекречен, а теперь по какой-то причине получил возможность открыться. Разумеется, открыться в разумных пределах, – Ковалёв тяжело вздохнул. – Чем больше о нём думаю, тем сильнее удивляюсь: зачем мы ему понадобились? Я очень сильно хочу в этом разобраться, но уже даже и не знаю, что мной движет больше – желание избавиться от проблем или любопытство?

– Если бы это всё закончилось прямо сегодня нашим полным освобождением и снятием всех обвинений, я согласен никогда не узнать, кто такой Бронкхорст и зачем мы ему были нужны, – пробурчал амфибос.

– Какой же ты скучный, Жаб! – улыбнулся Лёха. – По Тиду хоть что-то нашёл?

– Я же уже сказал, что ничего. А ты?

– Только фотографии, – ответил Ковалёв. – Но не факт, что это Тид. Я запросил все снимки Бронкхорста за последний месяц. На трёх рядом с ним находится тот человек, что выжил после полёта в капсуле. Думаю, этот мужик и есть Тид.

– А ты по этим фотографиям запрашивал информацию? – спросил Жаб.

– Я, конечно, обычный штурмовик и в разведке не служил, но всё же не настолько тупой, как ты думаешь. Ясное дело, запрашивал. Полная тишина. Ни информации, ни других фотографий, кроме этих трёх.

– Но это очень странно. В сети хоть что-то, но должно быть! Выходит, он или спецагент, или... – Жаб в бессилии развёл руками. – Я вообще не понимаю, что происходит!

– Ясно лишь одно: в сети что-то искать дальше бесполезно. Остаётся надеяться, что этот таинственный Тид – действительно ярый коллекционер и не пройдёт

мимо нашей наживки, – сказал Лёха. – Поэтому ждём Носка и действуем по утверждённому плану. Другого у нас в любом случае нет и не предвидится.

Носок вернулся лишь поздним вечером, правда, эффектно: с тремя большими коробками пиццы. Но поразило комедиантов не это, а внешний вид их помощника. Липовый обладатель дорогой картины Кармога теперь походил не на адвоката-неудачника, а как минимум на владельца преуспевающей адвокатской конторы.

Щуплый уроженец Лифентра был одет в роскошный тёмно-серый костюм и ослепительно белую сорочку. Один лишь его галстук стоил дороже, чем гардеробы Лёхи и Жаба, вместе взятые. А на ногах адвоката красовались тёмно-серые, почти чёрные, перламутровые туфли.

Дорогая одежда творила чудеса. Ковалёв аж присвистнул от того, насколько сильно изменился образ гуманоида. Щуплый, сутулый и немного забитый Носок теперь держался довольно раскованно, передвигался, расправив плечи, а в его взгляде чувствовалась едва уловимая уверенность, ранее незаметная.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/opsokopolos_aleksis/licenziya-na-ubiystvo-tom-2

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)